

Сексуальным Проступком
Книга III

Обмани

меня

Бетани Бейзил

Перевод группы UK.COM/VAMBOOK CLUBS

Это уже слишком. Невозможно, ничего не разрушив, сдерживать накопившуюся ложь.

Я отчаянно пытался удержать её, несмотря на то, что делал это с помощью лжи. Но когда всё всплывает наружу, единственное, что может спасти нас — это истина нашей любви.

Переводчик: Лана Лоц

Редактор: Елена Ковалева

Бета — корректор: Мария Чугунова и Ника Гарская

Обложка: Евгения Кононова

Пролог

Эйвери

В доме было необычайно холодно, когда я тихонько спускалась по лестнице вниз. Было темно, и лишь свечение от сине-красных лампочек, мигающих за окном, освещало мой путь. Я остановилась в лестничном пролете, моя хватка усилилась на перилах, холодок прошелся по коже, вызвав мурашки.

Я стояла и смотрела в течение нескольких минут на два силуэта, находящиеся по ту сторону двери со стеклянным окошком. Приросла к месту, не двигаясь вообще. Мои родители задерживались на три часа, а в дверь стучали сотрудники полиции. Я достаточно взрослая, чтобы понять, что произошла какая-то трагедия. Меня охватил ужасающий страх.

— Как ты думаешь, может они ее оставили у кого-то? — голос звучал приглушенно из-за двери.

— Медсестра, которая работала с ее матерью, сказала, что у них нет родственников. Так что, девочка должна быть дома, — ответил второй голос.

Один из них более настойчиво постучал в дверь и закричал:

— Эйвери!

Мое сердце билось с бешеной скоростью, пока я скользила своими босыми ногами по паркету. Я распахнула дверь, и оба офицера посмотрели на меня с таким выражением на лицах, которое никогда не забуду. Выражение, которое отпечаталось в моей памяти на всю жизнь. Жалость.

Мне всегда казалось, что у меня есть мои родители, и больше мне никто не нужен. Родители моей мамы умерли еще до моего рождения, а когда мне не исполнилось еще и пяти лет, родители отца скончались с разницей в один год. Но это не помешало нашему счастью.

Мои родители были единственными детьми, поэтому осталась лишь наша маленькая семья. Но все было не так плохо, потому что нашей любви хватало, чтобы в доме было ощущение, будто он полон любящих людей.

Но... той ночью я решила остаться дома и, свернувшись калачиком, погрузиться в чтение книги вместо того, чтобы с родителями отправиться в кино. Перед их уходом я все шутила, что им необходимо время побыть наедине, устроить свидание, но так, чтобы их тринадцатилетняя дочь не сидела между ними.

Я провела всю ночь в своей комнате под успокаивающий шум дождя с любимым романом в потертой обложке. И той же ночью кто-то отнял их у меня. В одно мгновение я осталась в этом мире одна и внезапно почувствовала пустоту, которая дала понять, что я нуждаюсь в том, о чем никогда не задумывалась. О большой семье. О том, кто сможет

помочь мне найти выход из темноты, в которую превратилась моя жизнь.

Я стала злой и ожесточенной из-за чувства одиночества. Ночи проходили с желанием вернуть все назад и отправиться вместе с ними. Тогда мы сейчас могли бы быть вместе. Я бы изменила ту ночь, и тогда, кто знает, какой бы сейчас девушкой я была, если бы у меня все еще были родители. Понадобилось много лет, чтобы я стала такой, как сейчас, и отпустить гнев и ненависть. Особенно ненависть к водителю, который отнял их у меня. На протяжении многих лет я думала, что он заплатил за пьяную аварию, изменившую мою жизнь. Оказалось, я чертовски ошибалась.

Глава 1

Мама, ответь мне...

Ксандер

Несусь по дороге к дому своей матери. Ночь медленно тянулась, пока я рассматривал Эйвери, прижимающуюся ко мне в моей постели. Я совсем не спал. И даже не пытался.

В последние двадцать четыре часа все начало вставать на свои места — все части головоломки начали собираться в моих беспорядочных мыслях. Откуда мама знает Эйвери. Почему так нервничала, когда увидела нас вместе. Почему она за все эти годы ни разу не упомянула об Эйвери.

В голове все складывалось, но вопросы по-прежнему оставались, и пробелы надо было заполнить. А моя мать была единственным человеком, способным сделать это, ответив на мучавшие меня вопросы.

Я подъехал и, заглушив двигатель, посмотрел на обновленный белый дом с колоннами, в котором я провел свое детство. Он передавался из поколения в поколение на протяжении многих веков. Его называли “Поместье Пирс” со времен моего прапрадеда. Живя в этом доме, я всегда чувствовал себя в безопасности, может, даже в чрезмерной безопасности. И Йен ненавидел меня за это.

Даже когда мы были еще детьми, наши отношения были натянутыми. Иногда Йен давал мне надежду на то, что они изменятся. Но этого так и не случилось, и я более десяти лет назад отказался от дальнейших попыток исправить это.

Я не мог понять, почему мои родители чувствуют такую потребность защитить меня. Йен считал, что они любили меня больше, чем его. Но, на самом деле, я всегда чувствовал, что они думали, будто я слабее и не способен постоять за себя.

Но пришло время положить этому конец. Я буду жить с последствиями того, что сделал, но мне хотелось двигаться дальше и попытаться быть счастливым.

Я открыл входную дверь своим ключом. Позвал маму, но в ответ была лишь тишина. Я прошел через фойе дальше по коридору в просторную кухню. Она сохранила все тот же стиль, какой был еще при моих живых бабушке и дедушке, только она стала более современной.

Французские двери, которые вели на задний двор, были распахнуты. Я прошел через них и нашел свою мать на террасе, рассматривающую сад. Она сидела за небольшим столиком из кованого железа. Я бесшумно занял место напротив нее, оперся локтями о стол, сложив руки, и, сузив глаза, посмотрел на нее.

Она нахмурилась, улыбка исчезла, а брови сошлись в попытке истолковать причину моей позы.

— Доброе утро, Ксандер, — настороженно произнесла она.

Я кивнул, но промолчал. Склонив слегка набок голову, она посмотрела на меня. И, еще

сильнее нахмурившись, спросила:

— Ты завтракал?

Я покачал головой. Поднявшись с места, она начала собирать со стола свою газету и чашку с чаем.

— Мама... — я посмотрел снизу-вверх на нее, но она продолжала суетливо убирать со стола.

Потом поспешно прошла в дом, чтобы приготовить мне завтрак, о котором я ее не просил. Видимо, она все правильно поняла по моему взгляду и теперь пыталась избежать разговора, которому просто необходимо случиться. Она хранила эту тайну неделями. Нет... годами. Она прекрасно знала, что случилось с родителями Эйвери, а мне были просто необходимы ее ответы на мои вопросы. Я должен был выяснить, насколько сильно мы запутались в этой паутине обмана и лжи.

Я последовал за ней на кухню и стал наблюдать за тем, как она достает продукты из холодильника.

— Мама?

Она проигнорировала меня, поэтому я подошел к ней со спины и схватил за запястье, когда она потянулась за очередным продуктом.

— Прекрати, мам, — я развернул ее к себе и захлопнул дверцу холодильника. — Я могу тебя кое о чем спросить?

Она посмотрела в мои глаза, но ничего не ответила. Я встретил ее пристальный взгляд.

— Могу?

Ее плечи поникли, и я понял по выражению лица, что она сдалась. Она кивнула. Неохотно.

— Ты когда-нибудь собиралась рассказать мне о родителях Эйвери? Собиралась когда-нибудь рассказать мне, что я..? — слишком тяжело было произнести эти слова вслух, потому что они слишком реальны.

Она решительно покачала головой:

— Я не хотела, чтобы ты узнал. Я ради тебя не хотела, чтобы это выяснилось.

Я хмыкнул:

— Значит, ты никогда не была знакома с родителями Эйвери? — я знал ответ, но хотел услышать это от нее.

Она снова покачала головой, на этот раз медленно:

— Как ты узнал? Твой отец ведь все тщательно скрыл.

Недостаточно.

— Маркус, — этого единственного слова было достаточно для объяснения.

Мы оба знали, что Маркус достаточно изобретателен и у него есть хорошие связи, как и у моего отца. Она кивнула.

— Ты расскажешь мне, каким образом ты стала частью жизни Эйвери?

Она вздохнула, а затем села за стол, ожидая, что я к ней присоединюсь. Как только я сделал это, она потянулась и взяла мои руки в свои:

— После той ночи я не могла перестать думать о людях, которые были в той машине, и кто их потерял. Как их жизнь изменилась после этой трагедии.

Я попытался высвободить свою руку, но она крепко ее держала. Не только ее мучили мысли о той семье, которую разрушил я. По крайней мере, она нашла в себе достаточно сил, чтобы выяснить о них больше.

— Я узнала, что у них осталась маленькая дочка, и, когда узнала, что ее собираются отдать под опеку... Я просто захотела убедиться, что она будет в порядке. Поэтому решила посетить ее, представившись другом семьи в тот и последующие разы.

— Почему ты не рассказала мне?

Она нахмурилась:

— Ты был виновен в той аварии. Я не могла допустить, чтобы ты погряз в чувстве вины. Ты бы тогда больше никогда не вернулся домой. Мне надо было сказать тебе, что ты оставил девочку сиротой?

— Ты же не думаешь, что я не заслуживаю этого чувства вины? — я покачал головой и вырвал свою руку. — Я заслуживаю большего. Я должен был понести ответственность за все это.

— Нет, это был несчастный случай, — она сжала вторую мою руку, заставляя посмотреть, но я не мог сделать это. — Ты был зол и тебе было больно. Ты не мог мыслить ясно, Ксандер.

— Ты и папа продолжали говорить себе, что это был несчастный случай, хотя вы не должны были впутывать себя в дело, в котором облажался я.

Я встал, провел рукой по волосам и посмотрел на нее сверху вниз:

— Я не желал никому смерти, но и несчастным случаем это не было, потому что я был невменяемым. Я был под кайфом, пьяным и взбешенным, — я с силой тыкаю себя в грудь пальцем с каждым произнесенным словом.

Оперевшись ладонями о стол, я наклоняюсь, чтобы она смогла посмотреть мне в глаза и увидеть, что я за человек на самом деле. Не только то, что она не хотела видеть, но и то, что она пыталась скрыть от других:

— Это было токсическое сочетание, которое снесло мне крышу, и за это заплатились все, кроме меня.

— Нет, Ксандер, — она встала и обхватила мое лицо ладонями. — Неужели ты не понимаешь, что заплатил за это? Независимо от того, сколько бы времени твое имя обливали грязью или сколько бы времени ты провел в тюрьме, это не сравнится с той болью, которую ты чувствуешь внутри себя, — она постучала пальцем по тому месту, где бьется мое сердце. — Двенадцать лет ты ходишь и живешь с этой болью. Ты не мог спать, ты пытался стереть это из памяти с помощью выпивки и женщин, да, я знаю о женщинах, — она вздернула бровь, давая понять, что, либо папа, либо Йен, ей рассказали о чередке женщин, прошедших через мою жизнь.

Рукой она погладила меня по лицу:

— А теперь ты влюблен в Эйвери... и ты можешь потерять ее. Так что не говори мне о том, что ты не заплатил, — она прищурилась, тревога появилась на ее лице. — Она знает?

Я покачал головой:

— Не знаю, как сказать ей об этом.

Она убрала руки от моего лица и села обратно на стул:

— Я не могу сказать тебе, что делать. Я виновата во лжи и перед ней тоже, и... она настолько особенная девочка, в смысле, женщина, но для меня она навсегда останется маленькой рыжеволосой, сильной и бойкой девчушкой, которая делала вид, что ее не сломало случившееся.

Я сел и сжал ее руку:

— Спасибо за то, что делала для нее, мам. Что пыталась исправить тот бардак, который

я устроил.

— Мы все участвовали в этом бардаке, поэтому, возможно, пришло время исправить это. Если ты решишь сказать ей правду, я буду с тобой, независимо от того, что будет, — она ближе наклонилась ко мне и улыбнулась. — Я вижу, как она смотрит на тебя. Она любит тебя, Ксандер. Ты должен верить, что этого окажется достаточно для того, чтобы вы прошли через это.

Я кивнул, ведь слова звучали просто идеально... в теории, но я никак не могу себе представить, что после того, как правда всплывет наружу, все закончится “долго и счастливо».

Глава 2

Что посеешь, то и пожнешь

Эйвери

Мои руки у меня за спиной, ноги широко раздвинуты, одна рука Ксандера закрывала мне рот, а другая расположилась между моих ног. Я сидела у него на коленях, спиной прижимаясь к его груди, его твердый член удобно вписывался в ложбинку моей задницы. Время от времени он покусывал мою шею, а его тяжелое дыхание ласкало мое ухо.

Это должен был быть обычный сеанс. За последнюю неделю они стали более насыщенными эмоциями, но прежде, чем излить свои эмоции, Ксандеру требовалось удовлетворить физическую потребность, которая всегда полностью поглощала нас.

Я всхлипнула в его ладонь.

— Тихо, или Анжела услышит. Ты этого хочешь? — грубо, с хрипотцой в голосе, предупредил он рядом с моим ухом.

Я покачала головой, но как мне молчать, когда его пальцы двигались во мне, скользя по клитору, а потом снова ныряя в мою влажную киску. Этот мужчина просто недопустимо потрясен. Он был полностью одетым, но меня он сумел заставить раздеться, оставив лишь подвязки и туфли. Я была на грани и практически умоляла оттрахать меня.

Он развел мои ноги еще шире, насколько это возможно. Дразнил меня.

После того дня, когда я отсосала у него в своем кабинете и заставила потерять контроль, он жаждал реванша. Он надел на меня поводок. Только не обычный. Его поводок состоял из волшебных пальцев и великолепного члена, которые заставляли меня следовать его приказам.

Его палец начал двигаться быстрее, толкаясь к моей нежной сердцевине, а потом снова ласкал клитор. Этого было достаточно, чтобы удерживать меня на краю, и так продолжалось около получаса.

Если он не будет более внимательным, то мы не успеем к моему следующему назначенному приему, а он все не прекращал ласкать меня своими феноменальными пальцами.

— Господии... — выдохнула я в руку, находящуюся у меня на губах.

— Теперь понимаешь, какого это?

Его голос слишком спокоен, в то время, как я находилась на грани, смакуя маленькие кусочки удовольствия, но не позволяя себе отказаться от пира, который мне обещают.

Я кивнула, готовая на все ради того, чтобы он позволил мне выхватить свой оргазм из его крепкой хватки.

— Моя киска. И я решаю, когда тебе кончить, — сообщил он мне.

— А твой член — мой, поэтому... я... должна... решать.

Он отстранил пальцы и шлепнул по моей киске за такой ответ. Черт!

Жар поднимается от моего клитора. Готова поклясться, что почти кончила. Еще немного и так и произойдет. Пожалуй, я смогу заставить его повторить это еще раз.

— Нет, это не так. Именно я решаю, когда нам обоим кончать, — прорычал он.

— Когда же решаю я? — возразила я.

Он погрузил два пальца глубоко в мою киску.

— Когда я прикажу тебе оседлать мой член и заставить меня кончить. А сейчас... у тебя есть шестьдесят секунд, чтобы кончить, и не разочаровывай меня.

Я ожидаю, что он начнет настойчиво трахать меня пальцами, но этого не происходит. Он просто толкает их глубоко в меня и круговыми движениями массирует мою точку G, снова и снова, неистово вытягивая из меня оргазм. Его большой палец ударил по клитору, он убрал руку от моего рта и ущипнул за сосок.

— Ксандер... Ксандер... — громко закричала я умоляющим голосом.

— Не смей кричать или тебе предъявят обвинения в сексуальном домогательстве прежде, чем ты успеешь одеться. Ты этого хочешь?

Я откинула голову назад на его плечо, моя шея была напряженной, пока я качала головой.

— Ты хочешь, чтобы милая старушка Анжела услышала, как ты теряешь самообладание в моих объятиях? — он склонился и засосал кожу на моей шее, доводя этим до изнеможения, и меня охватила буря ощущений.

Я прикусила губу и стала вращать бедрами. Оргазм пронесся по моему позвоночнику, вызывая спазм от удовольствия. Пытаясь вырваться из хватки Ксандера, я прокусила губу и теперь чувствую вкус крови на языке. Ощущения зашкаливают, но он продолжал ласкать мою киску, вызывая разряд за разрядом, от которых хотелось закричать.

Он вытащил из меня пальцы, и я, полностью лишенная сил, откинулась на него. Он обнял меня за талию, поцеловал в шею и сказал:

— Ты просто потрясающая.

— Неужели все наши сеансы должны начинаться именно так? — спросила я.

— Если ты хочешь, чтобы я говорил на них, то должна предоставить мне стимул для этого.

Он прикусил кожу на моей шее, вызвав этим дрожь по всему телу.

— Я и в самом деле уже начинаю наслаждаться этим сексуальным проступком.

Я развернулась и оседлала Ксандера, погладив его эрекцию сквозь брюки. Он отдернул мою руку и покачал головой:

— Не распускай руки.

Я надула губки:

— Давай же, ты этого хочешь. Я чувствую, насколько сильно ты этого хочешь.

Я предприняла еще одну попытку прикоснуться к нему, но он схватил меня за обе руки и завел их за спину:

— Помнишь, как несколько недель назад ты заставила меня кончить тебе в рот? Прямо здесь, в этом кабинете.

Я кивнула, пытаюсь сдержать улыбку. Я получила огромное удовольствие от того, что заставила его потерять контроль.

— Ты также помнишь, как потом не позволила прикоснуться к себе? А я хотел ебать тебя до тех пор, пока ты не начала бы издавать те сладкие звуки, которые мой член делает

очень, очень твердым.

Я уставилась на него, уверенная, что именно это он сейчас проделывает со мной.

— Что ж, что посеешь, то и пожнешь.

Я нахмурилась:

— Твоему члену будет очень плохо, если ты не позволишь мне помочь ему.

— Но ведь ты хочешь заставить меня кончить больше, чем хочу этого я, так что слезайте с моих колен, доктор Шоу. Наш сеанс еще не окончен.

Я встала и недовольно произнесла:

— Я тебя ненавижу, — и, развернувшись, начала натягивать на себя одежду, но вскрикнула, когда почувствовала укус на своей заднице. Я бросила на него неодобрительный взгляд через плечо.

— Ты что-то сказала? — он вздернул бровь, широко улыбаясь.

— Я сказала, что ненавижу то, что ты прячешь от меня мою любимую игрушку, — я наклонилась и поцеловала его, прежде чем направиться к своему столу. — Но ты прав. Я буду вынуждена придумать порядочное оправдание на следующие три часа, почему я задержала наш прием, если мы продолжим.

Я вернулась в свое кресло с блокнотом и очками в руках. Ксандер наблюдал за мной, пока я надевала их. Я улыбнулась. Он знал, что у меня слабость к его ямочкам, а я знала, что у него слабость к очкам и подвязкам. Я наблюдала, как он поправляет брюки, пока усаживалась в кресле поудобнее.

— Так, на чем мы остановились на прошлой неделе?

— Чувство вины, — ответили мы в унисон.

— В тебе скрывается слишком сильное чувство вины, Ксандер. И человек, от которого ты хочешь получить прощение, не может его тебе дать. Ты должен научиться сам себя прощать.

— Это намного легче сказать, нежели сделать, — он откинулся на спинку стула, массируя лоб пальцами, будто пытался избавиться от головной боли.

Всегда, как только Ксандер переступает порог моего кабинета, он меняется. Разговоры со мной о его прошлом вызывают у него болезненные ощущения, но он отказывается обратиться за помощью в другое место.

— Могу я задать тебе вопрос?

Он посмотрел на меня, как бы побуждая продолжать, но вслух ничего не произнес.

— Как развивались события после аварии? Почему эта история не попала в газеты?

Он напрягся, прервал зрительный контакт и рукой прикрыл свой рот. На долгое время воцарилась тишина.

— Мой отец сделал все, чтобы никто и никогда не узнал, что тем водителем был я, — он снова посмотрел на меня и продолжил. — И я позволил сделать ему это. Так как же мне не чувствовать себя виноватым?

— Ты хочешь взять на себя всю ответственность?

Он фыркнул:

— Каждый. Божий. День.

— Я знала, что для тебя это будет долгим и тяжелым процессом, но чувствую, что ты возвращаешься к тому, с чего мы начали. Весь прогресс, которого ты достиг, испарился, как только мы вернулись из Калифорнии сюда.

Что-то изменилось в Ксандере после его встречи с Маркусом в Калифорнии. Но, спустя

почти неделю, он так и не позволил мне «дотронуться» до этой области.

— Я не возвращаюсь к тому, с чего мы начали. Просто я столкнулся с тем фактом, что пострадало много жизней.

— Продолжая себя винить в этом, ты не вернешь их, — и это не поможет с бессонницей, которая с прошлой недели становится все хуже и хуже.

— Но ты небеспристрастна. Ты хочешь верить в то, что я непорочен, и поэтому ты можешь продолжать трахаться со мной.

Что?

— Значит, ты думаешь, что я не в состоянии отделить чувства от профессионализма? — Я положила свой блокнот на стол и посмотрела на него.

— Думаю... нет — я знаю, что ты не хотела, чтобы так было, но ты не можешь это контролировать, поэтому тебе нужно быть самой собой, чтобы мы были вместе.

— Я хочу, чтобы у тебя все было хорошо! Я хочу, чтобы ты понял, что люди совершают ошибки, огромные ошибки, но это не делает тебя плохим человеком.

Я встала со своего места и пересекла комнату.

— А что, если эта ошибка разрушила жизни? Стоила кому-то жизни?

— Ксандер, послушай... — я присела на край журнального столика лицом к нему, — не нужно объяснять мне, насколько сильно ты виноват в том несчастном случае, — он уставился на меня, когда я произнесла последние слова. — Ты должен найти способ простить себя. Скрыть это было хреновым делом, но сейчас уже слишком поздно. Что тебе нужно для того, чтобы понять, что уже искупил свои грехи? Двенадцать лет ты раскаивался в том, что произошло, но чего ты не хотел.

Он провел рукой по лицу:

— Чтобы у меня отняли все и всех. Всегда — что посеешь, то и пожнешь. И я чувствую, Эйвери, что это скоро произойдет.

Я чувствовала, что он всегда ждет, когда же произойдет неизбежное. Ему было тяжело принять счастье, и это было из разряда того, что я прекрасно понимала.

Глава 3

У стен есть уши

Эйвери

Следующим утром Ксандер проснулся, как всегда, вместе со мной. Я перевернулась и оседлала его обнаженное тело, прижавшись лбом к его лбу. Я люблю смотреть на него по утрам, с беспорядком на голове, с томительной, ленивой улыбкой на губах, из-за которой появляются ямочки на щеках. Это пожелание доброго утра мне. Он провел рукой по моей спине и по попе, сжав ее и прижав к утренней эрекции.

Я усмехнулась:

— Это один из тех случаев, когда ты позволишь мне заставить тебя кончить?

— Я просто должен попробовать и посмотреть, как много я позволю тебе взять.

Я склонилась и обхватила пальцами его твердость. Ощущение его члена в моей руке возбуждает. Я крепче сжала его твердую длину, горячая плоть пульсировала в моей ладони, а затем прошептала ему на ухо:

— Я хочу, чтобы ты отдал мне все. Каждый дюйм твоего твердого члена.

Он зарычал, его член дернулся от возбуждения:

— Мне нравится, когда ты говоришь непристойные вещи.

Я переместилась так, чтобы его член расположился напротив моего входа, и скользнула

медленно вниз по его длинному, толстому члену. Его голова упала на подушку, и он застонал, когда я начала двигаться. Вскоре он пальцами впился в мою задницу и стал двигаться навстречу каждому новому толчку. Я не думала, что так быстро кончу, но его член подводил меня к краю. Когда дымка, вызванная удовольствием, поглотила меня, я замедлилась. Ксандеру это не понравилось. Он шлепнул меня по заднице и перевернулся так, что я спиной ударилась о кровать, и он, полный решимости, принялся действовать. Я вскрикнула, когда он глубоко врезался в меня. Ксандер заглушил мой крик поцелуем, от чего у меня перехватило дыхание.

Он неожиданно прервал поцелуй, и мы притихли, когда из соседней комнаты послышался какой-то звук. Пожав плечами, он продолжил трахать меня, очень громко постанывая. Я заставила его успокоиться, а он посмотрел на меня, будто на сумасшедшую.

Он замедлился и произнес:

— Как ты думаешь, у стен есть уши?

— Элли дома.

Он покачал головой и улыбнулся, будто я смешна, а затем впился пальцами в мои бедра и ускорился.

Я притянула его голову к себе. Прежде чем наши губы встретились, я повернула его лицо и лизнула ямочки на щеках. Он отшатнулся, его ритм замедлился, и он уставился на меня. Но, покачав головой, снова улыбнулся:

— Это тебя заводит, детка?

Я прикусила губу и улыбнулась. Он усмехнулся и пожал плечами:

— Все, чтобы ты кончила.

И он начал двигаться с неистовством. Вдавливая меня в кровать. Вытрахивая все мысли из моей головы. Я кончила с рукой, закрывающей мне рот, которая заглушила крики. Он вздрогнул, и я почувствовала горячую сперму внутри своей киски. Я, наверное, никогда не узнаю, как ему удалось кончить так безмолвно.

Я вошла в свой кабинет с ощущением, будто на седьмом небе. Ксандер уснул в моей постели после нашего утреннего сеанса секса, поэтому я приняла душ и ушла на работу.

Первый сеанс был назначен с Йеном, и, когда он вошел в кабинет, мне пришлось спуститься со своего седьмого неба. Он выглядел обеспокоенным, взволнованным, но, что странно, когда он начал говорить, в его голосе не слышалось и намека на волнение.

— Нам нужно поговорить.

— Хорошо, присаживайся, — я жестом указала на кресло, но он покачал головой. — Ладно... Тогда, ты не возражаешь, если я присяду? — я жестом указала на свое кресло.

— Думаю, так даже лучше.

Я села в свое любимое кресло и откинулась на спинку, а Йен начал расхаживать по кабинету. Как я уже заметила, он так делает, когда нервничает. Так происходило много раз с тех пор, как он начал приходить ко мне в офис.

— Что тебя сегодня терзает, Йен?

Он прекратил свои безумные манипуляции, оперся руками о бедра и пристально посмотрел на меня:

— Мы ведь друзья, верно? В смысле, я рассказываю тебе свои секреты и, в общем, рассказываю тебе больше, чем кому-либо в своей жизни.

— К чему ты ведешь, Йен? — я сузила глаза, надеясь, что он не пытается объявить,

будто между нами что-то большее, чем отношения пациента и врача.

— Не знаю, как тебе это сказать, но ты заслуживаешь знать.

Он встретился со мной взглядом. К чему эта загадочность?

— Йен...

Он глубоко вздыхает:

— Ксандер лжет тебе.

Я фыркнула. Снова это дерьмо.

— Йен, мы говорили об этом. Мои отношения с Ксандером не должны обсуждаться на наших сеансах.

— Даже если он убил твоих родителей? — выпалил он.

Я хмурюсь и прищуриваюсь, пока Йен наблюдает за моей реакцией:

— Что ты несешь? Моих родителей убил пьяный водитель, и она тоже мертва.

Он сделал шаг вперед:

— Ты знаешь, как ее звали?

Я отрицательно покачала головой и положила блокнот на журнальный столик:

— Я не помню ее имени. Я была маленькой и убитой горем, когда читала такие подробности. Тогда я не заостряла на этом внимание.

Чего Йен добивается? Я никак не могла понять, к чему он это ведет и какой ему от этого толк. Он приблизился ко мне, взял за руки и посмотрел прямо в глаза:

— Ее звали Джессика Роулин-Пирс.

Мы неотрывно смотрели друг на друга какое-то время. Я пыталась найти в его глазах хоть какой-то намек на обман, но не смогла. Я подошла к своему рабочему столу и включила ноутбук. Йен последовал за мной. Пока в интернете выполнялся поиск, который я ввела, мои глаза продолжали всматриваться в его непоколебимый взгляд.

Появился старый заголовок, и тяжесть, которую я ощутила в груди, была просто нереальной. Подтекст о том, что Джессика была водителем, подтвердили правдивость слов Йена. Пока я просматривала небольшую колонку о смерти моих родителей, единственное, о чем я думала, это имя, которое я не хотела найти в данном тексте.

Джессика Роулин-Пирс.

— Она не была водителем, Эйвери. Мой папа приложил усилия, чтобы это выглядело именно так только лишь для того, чтобы Ксандеру не пришлось столкнуться лицом к лицу с тем, что он натворил.

Это совпадало с рассказом Ксандера, но он никогда не подавал виду, что наши трагедии были тесно переплетены. Я опустила в свое кресло и прикрыла рот обеими руками, когда мои глаза начали жечь. Я покачала головой:

— Зачем ты мне рассказываешь это сейчас?

Он провел рукой по волосам:

— Клянусь тебе, Эйвери, я не знал, что они твои родители.

— Как ты узнал? Знает ли про это Ксандер? — я сузила глаза, глядя на него с тревогой.

Он кивнул:

— Я слышал разговор Ксандера и мамы на прошлой неделе в поместье. Ксандер тогда только узнал, что он... что ответственен за это, а мама все знала.

Я сложила руки на коленях и опустила на них голову. Мне нужно время, чтобы принять все это. Мне нужно время, чтобы прийти в себя, потому что с высоты, на которой плавала буквально полчаса назад, я со стремительной скоростью погружаюсь в холодный бетон. Я

подняла голову и встретила взглядом с Йеном.

— Ты уверен, что он знает? Потому что, если ты собираешься снова проделать это дерьмо...

Он поднял руки и покачал головой:

— Не собираюсь. Я слышал их разговор.

Оказывается, у стен действительно есть уши. Он стоял и смотрел на меня, в то время как я тупо уставилась в стену.

— Что ты теперь будешь делать?

Что это вообще за вопрос такой? Я не могу даже справиться с эмоциями, которые испытываю сейчас. Йен только что перевернул мой мир вверх дном и еще спрашивает, как я планирую вернуть его на место. Я качаю головой:

— Не знаю, Йен. Поскольку у тебя было несколько дней, чтобы обдумать это, то может ты мне и скажешь?

— Не надо, Эйвери. Прошла всего лишь неделя. Я не пытался скрыть это от тебя Ксандер гребанный мудака, и ты не можешь позволить это сойти ему с рук. Он должен заплатить.

Я закатила глаза и снова опустила голову. Меня не интересовало участие в их мелодраме. Я хочу знать, как теперь обращаться с человеком, которого люблю, с человеком, который остался в моей постели этим утром, который предал меня. Обманывал меня.

— Мы можем рассказать все газетам. Это погубит его карьеру.

Я немного приподнимаю голову и недовольно смотрю на него:

— Ты ведь несерьезно?

— В смысле? — он посмотрел на меня так, будто мы должны стать заговорщиками в плане против Ксандера, а я только что отклонила его драгоценный план мести. — Ему все преподносилось на блюдечке, и он никогда не платит за свои грехи. Это несправедливо — то, что он сделал с тобой. Что он сделал с Джессикой.

Я встала и скрестила руки на груди:

— И ты думаешь, что было бы справедливо, если бы смерть моих родителей вдруг вспомнили и протащили через все развлекательные каналы? — я вышла из-за стола и повернулась к нему. — Ты думаешь, было бы справедливо по отношению ко мне, если бы СМИ вдруг выяснили, что та женщина, которая позировала фотографам на красной дорожке вместе с Ксандером, была дочерью парочки, которую он убил? — мои руки дрожали, в голове все пульсировало из-за усилий не заплакать.

— Эйвери, мне жаль, — он потянулся ко мне, но я отшатнулась от этого движения.

— Если ты пришел сюда, чтобы помочь мне, тогда отлично. Но если ты пришел сюда, чтобы отомстить Ксандеру, тогда вали отсюда, — я вернулась за свой стол, потому что мне было необходимо расстояние. Если Йен думает, что у меня есть свой собственный план относительно этого, то он ошибается.

— Я не хотел тебя расстраивать. Я знаю, что это, должно быть, слишком для тебя, и пытался помочь. Я извинился.

Я кивнула.

— Хочешь, чтобы я ушел?

Именно так. Я снова кивнула и увидела его силуэт, выходящий через дверь, словно размытое пятно. Чертовы слезы.

Глава 4

Обмани меня

Эйвери

Я подъехала к входу в тот момент, когда Элли поднималась по ступенькам. Она открыла дверь и, ожидая меня, стояла в проходе. Я не хочу разговаривать. Мне нужно найти Ксандера, взглянуть ему в глаза и посмотреть, солжет ли он мне.

Элли нахмурилась, когда я целенаправленно прошла мимо нее. Я слышала, как она закрывает дверь, но не оглянулась.

Ксандер находился на моей кухне. Он поднял голову, удивленный моим настолько быстрым возвращением.

— Нам нужно поговорить. Сейчас! — я кивнула головой в сторону спальни и продолжила идти по коридору.

В голове чертов беспорядок. Я даже не знала, с чего начать. Я ходила по комнате и задавалась вопросом, какого хрена он не последовал за мной? Неужели он понял, что происходит?

Вернувшись на кухню, я обнаружила Ксандера, что-то настойчиво нашептывающего Элли на ухо. Они стояли необычайно близко для двух людей, которые изредка разговаривали друг с другом, а Элли продолжала качать головой так, будто Ксандер обвинял ее в чем-то. И вдруг Элли громко произнесла, так что я услышала:

— Я не сказала ей.

— Не сказала мне что? — сорвалась я.

Они отскочили друг от друга и уставились на меня широко раскрытыми и озадаченными глазами. Виноватыми глазами?

— Элли?

От них обоих исходила полная тишина. Никто не хотел ответить мне. Но ведь мне всегда приходилось выпытывать ответы. Моя профессия просочилась во все аспекты моей жизни.

— Ладно, я уже поняла, что ему нельзя доверять. Но ты... тебе тоже?

Ксандер вздрогнул, на его лице отразилась боль. Элли смотрела на меня стеклянными глазами:

— Прости, Эйвери.

— Что происходит?

Элли задержала дыхание. Ксандер посмотрел на нее, тяжело вздохнул и признался:

— Я знал Элли до нашей с тобой встречи.

Я с неверием посмотрела на него, затем снова на Элли:

— Как?

— Я не хотела, чтобы ты когда-либо узнала об этом, — всхлипнула Элли. — Я не хотела, чтобы ты разочаровалась во мне.

— Что, Элли? Просто скажи мне.

Кто-то же должен очиститься, потому что воздух был заряжен ложью, и я практически чувствовала запах обмана.

— Я танцую стриптиз в ночном клубе в центре города, — она опустила взгляд на свои руки.

Что происходит? Это просто какой-то адский день. И почему я так эмоциональна? Мне не нравилось чувствовать, что контроль ускользает из моих рук. Я даже описать не могу все те чувства, бушующие внутри меня, и они становились только сильнее.

— Стриптиз? Зачем ты это делаешь?

Все развалилось к чертям. Я проснулась этим утром счастливая, даже ликующая, а теперь... Теперь это.

— Прости. Я просто хотела что-то сделать сама, — она вытерла глаза, продолжая держать голову низко опущенной.

— Тебе не нужно этого делать! Ты же знаешь, я сделаю для тебя все! Дам все тебе! — мой голос дрожал от противоречивых чувств — предательства, гнева и боли.

— Я знаю, знаю. Прости.

Ксандер положил руку на плечо Элли, чтобы успокоить ее, но она стряхнула ее плечом.

— А ты? — я указала на Ксандера. — Ты знал. Ты видел ее там.

Он кивнул, его губы растянулись в жесткую, прямую линию.

— И ты ничего не сказал, — обмерла я.

— Это было до того, как мы встретились. До того, как я узнал, что она — твоя Элли, — пояснил он.

— Есть еще кое-что, — прошептала Элли.

Ксандер посмотрел на нее, как будто хотел, чтобы она заткнулась, но с меня хватит секретов.

— Говори, Элли.

Я пристально посмотрела на Ксандера, чтобы убедиться, что он не попытается запугать ее.

— Я пошла домой к одному мужчине из клуба. Это было глупо, но я подумала, что он другой, — Элли посмотрела на Ксандера. У него был опустошенный вид. И он снова отказывался смотреть на меня.

Я наблюдала за их взглядами и молилась, чтобы я оказалась не права. Я сторбилась, схватившись за живот, когда волна боли стала угрожать моему завтраку.

— Ты спал с ней, — прошептала я. Не спросила. Правда была написана на их лицах.

— Прости, Эйвери. Я хотела рассказать тебе, но не знала, как, — с сожалением произнесла Элли.

— Выслушай меня, — сказал Ксандер, приближаясь ко мне. Он потянулся, чтобы коснуться меня, но я оттолкнула его. — Это было до того, как мы встретились. Это ведь она дала мне твою визитку, но я и понятия не имел о связи между вами.

Я энергично закачала головой, потому что больше не могла дышать:

— Убирайся.

— Эйвери, пожалуйста. Давай все обсудим.

— Нет! Убирайся отсюда нахрен!

Я врываюсь в свою комнату, хватаю его одежду, которую сложила в один из своих ящиков и швыряю ее ему, когда он входит вслед за мной.

— Детка, я клянусь, я никогда не желал причинить тебе боль.

— Ты лжец!

Он отшатнулся, когда понял, насколько сильно и опасно я расстроена. Я пыталась успокаивающе вздохнуть. Слезы подкатывали, но я выиграла схватку с ними и посмотрела в его глаза.

— Сегодня я разговаривала с Йеном, — мой голос был спокойнее, чем я думала, если учитывать гнев, бушующий во мне.

Он сделал еще один шаг назад, нахмутив брови.

— Ты не просто... трахнул Элли. Ты убил моих родителей.

Он застыл, его лицо покраснело, рот раскрылся и закрылся. Без единого звука.

— Снова обманывал меня, Ксандер, — я сократила расстояние между нами, встав на его вещи. — Посмотри мне в глаза и обмани меня. Скажи мне, что не ты сидел за рулем машины, которая врезалась в моих родителей.

Он зажмурился и закрыл лицо руками.

— Уходи, — практически прошептала я. И, прежде чем полностью сломалась перед ним, я выбежала из комнаты, схватила ключи и покинула дом лжецов.

Глава 5

Остановиться

Эйвери

Мэтт открыл дверь и нахмурился. На нем были лишь черные трусы, волосы на голове растрепаны. Посмотрев на него, у меня возникло ощущение, будто я попала домой. И он единственный человек в моей жизни, который был искренним. Он, заметив, какое у меня лицо, потянулся и обнял меня. Как только его руки сомкнулись вокруг меня, я крепко сжала его своими руками.

Я провела весь день, бесцельно разъезжая на машине, и каким-то образом, когда уже стемнело, добралась сюда. Я держалась, но здесь я могла опустить свой щит, потому что знаю, что Мэтт защитит меня.

— Что случилось, милая? — он закрыл дверь и повел меня в свою гостиную.

— Все — гребанные лжецы, — я вытерла слезы на глазах. Мэтт заправил волосы мне за уши и вытер мой подбородок. — Ксандер... Элли... лжецы, — я опустилась на диван, и он сел, повернувшись ко мне лицом и положив одну руку на спинку дивана.

— Ладно... ты говоришь какими-то загадками. Это подобно разбросанным деталям головоломки. Скажи, что случилось?

— Ксандер убил моих родителей.

Он убрал руку от моего лица, будто она налилась тяжестью, и на его лице отразилось смятение.

— Он что?

— Это была не какая-то там пьяная женщина, которая врезалась в машину моих родителей. Это был ее пьяный муж, и скрыто было это мэром — его отцом.

Глаза Мэтта расширились, он прикрыл рот рукой:

— О, Господи! — слова получились слегка приглушенными из-за руки. — Он тебе это рассказал?

— Нет, Йен. Видимо, он подслушал разговор Ксандера и Сьюзен, когда они обсуждали это.

— Невероятно. Может, это все совпадения?

Он отвел от меня глаза и посмотрел куда-то в пустоту, осмысливая все это.

— В моей жизни не бывает совпадений. Это какая-то большая шутка вселенной. Я наконец-таки открываю свое сердце и отдаю его человеку, который, как оказалось, изначально и стал причиной для того, чтобы я его закрыла ото всех.

Мэтт открыл рот, но потом закрыл. Теперь и у него не находилось слов, и это впервые за те восемь лет, которые я его знаю.

Я откинула голову на диван, и из меня вырвался стон:

— На хрен мою жизнь.

Мэтт встал со своего места, вышел из комнаты и, когда вернулся, в его руке был бокал, наполненный янтарной жидкостью. Жидкостью, которая может стереть вам память на несколько часов, а на утро заставить почувствовать себя хреново.

— Выпей это, так ты сможешь уснуть сегодня, — он сует мне в руку бокал.

Я взяла его и сделала нерешительный глоток. Горло обожгло. Жидкость, стекающая вниз по горлу к желудку, заставила меня поморщиться.

— А что сделала Элли?

— Эммм... — я хихикнула от того, насколько же смешно сложилось все. — Она спала с Ксандером.

Я сделала еще два внушающих глотка, надеясь смыть горький привкус от произнесенных слов. Я поперхнулась, когда жидкость потекла вниз по горлу.

— Она что? Нет, нет, Эйвери... Она бы никогда так не поступила с тобой.

— Само собой, не поступила бы. Это произошло до того, как мы с ним познакомились, но они решили, что мне не нужно об этом знать.

— О... — он скривил губы и нахмурился.

— Устроили заговор с целью сокрытия сего факта, — пробормотала я после того, как допила остатки своего напитка.

Комната закружилась, ледяная яма, образовавшаяся в моем животе, согрелась, и мои веки отяжелели. Мэтт еще несколько раз наполнял мой бокал и дождался моего полубессознательного состояния, в котором я больше не была способна думать о чем-либо.

— Пошли, я уложу тебя спать.

— Мммм, — я, покачиваясь, шла по знакомой дорожке в спальню Мэтта. По пути через голову сняла рубашку и стянула юбку. И споткнулась, когда сбрасывала туфли, а Мэтт подхватил меня. Мэтт всегда рядом со мной, чтобы поймать меня в нужный момент. Я плюхнулась лицом вниз на его кровать и моментально вырубилась.

Я вздрогнула и со свистом выдохнула от охватившей меня паники. Сны о том, как я последний раз вижу своих родителей — созданные воображением вспышки пламени, которое уничтожало их машину — прекратились много лет назад. Я прерывисто дышала, закрыв лицо руками.

— Сделай глубокий вдох. Все хорошо. Я здесь, с тобой.

Слова Мэтта успокоили меня. Я помню, что, когда я была моложе, у меня были панические атаки. Мне казалось, что жизнь вырывается из меня, и я должна заставить себя успокоиться.

Спустя десять минут я смогла заставить сердце биться спокойнее, и легкие не чувствовались теперь сдавленными. Мэтт подал мне стакан воды, из которого я медленно отпила. Поставив стакан на тумбочку, я опустилась обратно на подушку и вздохнула, уставившись в потолок.

— Ты в порядке? — голос Мэтта окончательно стряхнул с меня сон.

Я кивнула и повернула голову в его направлении. Он улыбнулся мне, но все, что я увидела — жалость в его взгляде. Я просто ненавидела этот взгляд. Я протянула руку и убрала с его глаз выбившийся локон блондинистых волос. Он убрал волосы назад и теперь выглядел именно так, как в то время, когда мы были вместе. Я сложила руки и подложила их под голову, повернувшись лицом к Мэтту.

— Как-то странно? — спросила я, когда наши взгляды встретились.

Он покачал головой:

— Необычайно знакомо.

— Ага.

Безопасно. Именно по этой причине я начала встречаться с Мэттом. В наших отношениях не было этого всепоглощающего чувства, которое ослепило бы меня. Мэтт не предал бы меня, и даже если бы сделал это, то это бы меня не опустошило так, как получилось с Ксандером.

Я стремительно подалась вперед. Я была эмоционально сокрушена, слегка пьяна и встревожена панической атакой. Я была полностью выбита из колеи, и это, вероятно, объясняло, почему я в какой-то момент почувствовала себя подавленной, а затем мой язык уже погружался в рот Мэтта.

Я помню поцелуи Мэтта. Нежные, сладкие и приятные. Он застонал, затем переместился так, что оказался сверху, и я раздвинула ноги, чтобы ему было удобнее расположиться. И ловлю себя на том, что не чувствую тех искр и отчаянного желания, которые возникали с Ксандером. Но я отбросила эти мысли в сторону. Так безопаснее. Именно это мне нужно прямо сейчас.

— Почему ты остановился? — спрашиваю, когда Мэтт медленно отстраняется и смотрит на меня извиняющимся взглядом.

Он сел на корточки, провел рукой по лицу и произнес:

— Мы не можем этого сделать.

Я схватилась за край его трусов и попыталась притянуть обратно, но он не поддался.

— Да, можем, — настаивала я. Я села, расстегнула свой лифчик и швырнула его через всю комнату. — Раньше мы постоянно этим занимались, и получалось довольно неплохо.

Я провела пальцами по его волосам и поцеловала. Он схватил меня за руки и оторвал их от себя, прерывая поцелуй.

— Прощу, Мэтт... Ты хочешь... Я знаю, что хочешь.

Его хватка ослабла, и я высвободила свои руки. Взяв его ладонь, приложила ее к своей груди, наклонилась, и на этот раз он позволил мне поцеловать его. Я положила одну руку на его эрекцию и начала стягивать с него трусы. И, прежде чем я полностью спустила их, он снова схватил меня за руки и толкнул на кровать, прижав меня всем телом. Он хотел меня. Я чувствовала, как его эрекция прижималась между моих ног. Его выражение лица говорило, что он борется с желанием уступить и просто трахнуть меня.

— Почему ты не можешь просто взять и заставить меня забыть? — прохныкала я.

— Потому что мы оба знаем, что это не поможет, — вздохнул он.

— Ты именно тот человек, с которым я должна быть, Мэтт. Я доверяю тебе. Я всегда могу прийти к тебе, и ты не будешь манипулировать КАЖДОЙ ЧЕРТОВОЙ ВЕЩЬЮ.

— Если бы любовь была настолько проста, то мы были бы уже женаты, у нас была бы парочка детишек, и это не мешало бы нам работать вместе. Но, детка, мы оба знаем, что этому не бывать. Мы лучшие друзья и у нас удобные отношения.

— Вот именно, — я попыталась вырваться на свободу, но его хватка была крепкой.

— Но это не пламенное, всепоглощающее чувство, которого мы жаждем. Когда мы вместе, мир не растворяется вокруг нас, Эйвери. Я не позволю тебе использовать меня, чтобы обмануть свое сердце, потому что ты никогда не сможешь простить себя за это... или меня.

— Фу! Вот что я получаю за попытку перепихнуться с психиатром. Ты слишком много

думаешь.

Я надулась, и он рассмеялся надо мной:

— Именно это и делает нашу дружбу настолько замечательной. Я думаю за тебя, когда твой мозг внезапно отключается. А ты делаешь то же самое для меня.

Он наклонился и оставил на моих губах нежный поцелуй, прежде чем спрыгнуть с кровати.

— Одевайся и иди домой, — сказал он, хватая чистое полотенце и направляясь к ванной комнате. — Я помучаю себя холодным душем.

— Извини, Мэтт, — я прокричала ему вслед.

— Если бы я не любил тебя настолько сильно, я бы трахнул тебя прямо сейчас, — сказал он, прежде чем захлопнуть дверь.

— Значит, ты трахаешь только тех женщин, которых не любишь? Большой извращенец, — пробормотала я себе под нос.

— Я все слышал! — крикнул Мэтт из ванной.

— Так и было задумано.

Я отправилась на поиски своей одежды и неспеша оделась. Было еще слишком рано, а я надеялась, что к тому моменту, как попаду домой, он будет пустым. Когда я уже была готова выходить, Мэтт все еще находился в душе, поэтому я просунула свою голову в ванную.

— Увидимся позже, Мэтт.

— Угу, — полустоном ответил он.

— Погоди... ты... ты что, сам пытаешься снять напряжение? — я подавила хихиканье тыльной стороной ладони.

— Заткнись! Я почти закончил.

Я засмеялась над его суровым тоном. Он отодвинул край шторы и высунул голову:

— В нашей дружбе нет границ?

— Не тогда, когда ты в лучших друзьях со своим бывшим.

Я смеялась, пока шла по коридору, и, схватив свои ключи, покинула его квартиру.

Глава 6

На этом все

Эйвери

Как только я выхожу из дома Мэтта, мое хорошее настроение улетучивается. Вместе с пасмурной погодой на улице меня ожидает Ксандер. Он стоит, прислонившись к машине, и пристально смотрит на меня. Выглядит он так, будто провел ночь на улице. Мы смотрим друг на друга пару секунд. Кажется, будто вокруг нас все замерло и существует лишь эта гребанная энергетика между нами. Первой пришла в себя я. Пытаюсь свернуть вправо, но он преграждает мне дорогу своим телом.

— Чем, черт возьми, ты занималась? — еле слышно проговорил он слишком обвинительным тоном.

Я игнорирую вопрос и, избегая его сумасшедшего взгляда, двигаюсь влево. Он снова преграждает мне путь. Я скрещиваю руки на груди и начинаю разглядывать утреннее движение, притворяясь, что не замечаю его.

— Клянусь, если он прикоснулся к тебе... — он обхватывает мое лицо ладонями, заставляя посмотреть на него, на то, как он изучает меня взглядом. Я представляю, что же он сейчас видит — волосы в беспорядке, глаза опухшие — я ужасно выгляжу. Он хмурится еще сильнее. — Если ты позволишь прикоснуться к себе, то я причиню ему боль.

Я отпихиваю его от себя, и он отшатывается из-за неожиданного толчка.

— У тебя нет права указывать мне, с кем мне спать, а с кем нет. Ты спал с моей Элли... моей Элли. Она — моя единственная семья, а ты трахал ее.

Он отпускает меня и поднимает руки, сдаваясь:

— Это было до тебя. Дерьмо... Если бы тогда этого не произошло, то, наверное, я никогда не встретил бы тебя.

— Ооо... тогда все в порядке. Когда у нас будут дети и они спросят, как мы познакомились, то мы им скажем, что это судьба, — я протянула руки в небо и посмотрела вверх, — это было божественное вмешательство. Твой папа трахнул тетю Элли, и она втюхала ему мою визитку, чтобы он мог поиметь и меня.

Он прижимает ладонь к глазам и трет их:

— Что ты хочешь, чтобы я сделал? Я не могу изменить то, что уже произошло, — сказал он, когда снова посмотрел на меня.

— Но ты мог быть честным! Вы оба могли это сделать еще в ту ночь, когда она застала нас с тобой. Но нет... вы двое решили обманывать меня. Ты лгал обо всем.

Он проводит руками по волосам, в отчаянии дергая за пряди:

— Если бы мы были честными, то ты бросила бы меня.

— Во всяком случае, тогда бы это не причинило столько боли.

— Но в тот момент ничто не смогло бы заставить тебя дать мне еще один шанс.

— И сейчас тоже.

Я смотрю вниз на наши ноги. Он вздрагивает от моих слов.

— Ты сказала, что любишь меня.

Я улыбаюсь, когда поднимаю глаза и качаю головой:

— Я любила лжеца. Разве это не делает нашу любовь ложью?

Он незамедлительно качает головой:

— Нет, я показал тебе настоящего себя, и ты любила меня. Габриэлла была незначительной деталью моего прошлого. Это ничего не меняет между нами.

— А как насчет моих родителей? Они тоже были незначительной деталью? Ты причинял мне боль на протяжении многих лет, даже не подозревая об этом. Похоже, именно этим ты живешь. Твое прошлое никуда не делось и причиняет мне боль, Ксандер.

Он отступает на шаг и смотрит на меня, будто я ударила его своими словами. Он засовывает обе руки в карманы и смотрит вниз на тротуар. Он выглядит практически уязвимым из-за моей колкости, но я не могу беспокоиться о его чувствах, не сейчас. Не тогда, когда он дважды вырвал мое сердце, и я все еще пытаюсь его реанимировать.

За нами распахивается дверь и выходит Мэтт. Он на мгновение останавливается, рассматривая то меня, то Ксандера. Он подходит сзади, кладет руку мне на талию и шепчет на ухо:

— Все в порядке?

Ксандер смотрит на него, и его обиженное выражение сменяется бушующей яростью. Мэтт смотрит на него.

— Если ты прикасался к ней...

— То что? — вызывающе отвечает Мэтт, усиливая хватку на моей талии.

Ксандер делает шаг вперед, но я останавливаю его:

— Иди домой, Ксандер.

— Возвращайся тогда, когда станешь мужчиной, который будет честен с ней, — бросил

Мэтт.

Черт, это совсем не похоже на Мэтта. Он был слишком рассудительным, а это была тактика мести, которую я не хотела использовать. Я просто хочу, чтобы Ксандер ушел и избавил тем самым меня от его удушающего пребывания, чтобы оставил меня наедине с самой собой, дал обдумать все. Еще и этот алкоголь Мэтта, который тоже стущал краски происходящего.

Ксандер вытаскивает руки из карманов и сжимает их в кулаки. Он сузил глаза, глядя на Мэтта. Я знаю, что если бы меня здесь не было, то получилась бы серьезная уличная драка.

— Ксандер, — он переводит взгляд на меня, оставаясь в той же позе, — не делай еще хуже.

Еще раз бросив взгляд на Мэтта, он глубоко вздыхает и уходит. Мы стоим на месте и наблюдаем за ним, пока он не вырывается на дорогу и с бешенством поворачивает за угол.

— Этот парень очень несчастен, — сказал Мэтт.

Я толкаю его локтем в живот. Он хмыкает.

— Тебе-то что? Ты же на моей стороне, да?

Он усмехнулся:

— Конечно, но как скоро ты егопустишь обратно?

— Никогда.

— Угу... конечно, — он обнимает меня за шею и проводит до машины. — Я даю вам неделю.

— Сволочь, — я пристально смотрю на него.

— Почему? Потому что я знаю твое сердце?

— Пошел ты, Мэтт.

— Я не виноват, что любовь полностью захватила твое сердце, — говорит он, когда мы останавливаемся около моей машины.

Ага... и тут над моей головой зависло серое облако. И, подобно божественному вмешательству, о котором я говорила ранее, прогремел гром, небо разверзлось и заплакало, капая на меня слезами.

~~*

Позже, тем же днем я вхожу в свой кабинет и обнаруживаю ожидающуюся меня Элли. Да не иссякнут щедроты этого дня.

Я замираю на пороге, и она встает. Я была рада обнаружить, что мой дом пуст, когда приехала туда. Но я не готова к разговору с Элли. Ее сговор с Ксандером опустошил меня.

— У тебя есть минутка? — осторожно спрашивает она.

— Нет.

Я подхожу к своему столу, ставлю на него свой портфель и открываю его.

— Эйвери, я просто хочу все объяснить, — она последовала за мной, встав у противоположной стороны стола.

— Мне нужно работать и выслушивать чужие проблемы.

Я сажусь, и Элли делает тоже самое.

— И игнорировать свои?

— Я не игнорирую их. Просто решила, что лучший способ — не думать о них вовсе. Ты солгала мне, и только Бог знает, как долго это продолжалось бы, да и к тому же ты мне позволяла быть с человеком, с которым до этого была ты.

Я встаю и намереваюсь добраться до двери, чтобы выпроводить ее, но она хватается за меня

за руку и этим останавливает, когда я пытаюсь пройти мимо нее. Я смотрю на ее руку, в которой находилась моя, и она отпускает ее.

— Прости меня, ладно? Ты вроде как нравилась ему, и я хотела, чтобы ты была счастлива.

— Ты хоть понимаешь, как это звучит? Ты хотела позволить мне быть с человеком, с которым ты... трахалась, потому что думала, что от этого я буду счастлива.

Лишь просто сказав эти слова, мне стало плохо.

— Ты любила его.

— Знаешь, что? На хрен его. Как насчет того, чтобы рассказать мне, почему ты стала стриптизершей?

Она вздыхает и откидывается на спинку стула:

— Я устала быть обузой. Я даю тебе слово, что я только танцевала стриптиз и больше ничего. Ксандер был ошибкой. Он был богат и красив, и я захотела его. Но я поняла, что он был черствым, высокомерным и у него были проблемы, именно поэтому я посоветовала ему пойти к тебе.

— Я не хочу этого слышать.

Я не могу ее слушать, потому что картинки того, как они вместе проводили время, начали всплывать в моем воображении.

— Прости. Я не отправила тебя в логово льва. Я отправила его к тебе. Но у льва есть сердце, и, думаю, он тебя любит, Эйвери.

НЕВЕРОЯТНО. На стороне Ксандера все что ли?

— И ты думаешь, я должна быть благодарной за то, что Ксандер меня любит? Ну, он никогда не входил в мои планы. Он маниакальный обманщик, а его бессонница слишком серьезна, так что не думаю, что у него с мозгами все в порядке. Но я не перестала думать о нем и желать его. Так что, да, ты поместила Ксандера в мою жизнь. И он богатый и успешный, и может трахаться, как какой-то маньяк. Я не такого мужчину хотела. А теперь я нуждаюсь в нем. Я шла по четко заданному пути, а теперь свернула с дороги. Я направляюсь в сторону своей гибели и не могу остановиться. Так что же я выиграла с этого? Любовь?

— Мне очень жаль, Эйвери. Я знаю, ты злишься...

— Я не злюсь. Я разочарована и ранена. Когда мне исполнилось восемнадцать и пришлось оставить тебя в том доме, я приходила каждые выходные на протяжении пяти лет, чтобы убедиться, что с тобой все в порядке. Я надрывалась, чтобы быстрее закончить учебу, чтобы создать для тебя дом, в который я тебя приведу, как только тебе исполнится восемнадцать. Элли, я столько лет тащила тебя на своей спине, что теперь чувствую пустоту. Ты мне больше, чем друг. Ты мне сестра, ты мне как дочь, и я все сделаю для тебя.

Она отворачивается. Всхлипывает, и я замечаю слезы, стекающие по ее лицу. Слезы не та роскошь, которую я могу себе сейчас позволить. И я не могу заставить себя пожалеть ее. Не сейчас. Не после того, что она сделала.

— На этом все?

Она смотрит на меня и встает:

— Я не хочу потерять тебя.

Я хватаю ее за подбородок, и наши взгляды встречаются:

— Ты — моя единственная семья, которая у меня есть, поэтому, несмотря ни на что, ты навсегда ей и останешься. Я просто не могу сейчас видеть тебя. Поэтому на сегодня мы закончили, — опускаю руку и отворачиваюсь. — Не звони мне. Я сама позвоню тебе... когда

буду готова.

Я усаживаюсь за свой стол, пока она тихонько подходит к двери и закрывает ее за собой.

Глава 7

Кто же ты?

Ксандер

Спустя неделю после того, как я в последний раз видел Эйвери, я понял, что мне нужно посмотреть правде в глаза.

То, что осталось от наших отношений, в лучшем случае, висит на ниточке. Но эта последняя ниточка была достаточно крепкой, чтобы я поставил все на кон и попытался удержаться за нее. Потому что, хоть я и перерезал нити доверия и честности, эта последняя была любовью. И, независимо от того, насколько сильно я все испортил, эта ниточка была самой важной и она должна связать нас снова вместе.

Я решаю зайти в офис Эйвери во время обеденного перерыва и узнать, уделит ли она мне несколько минут, но Анжела говорит мне, что ее нет. Я не знаю, лжет она мне или нет, поэтому выхожу наружу и надеюсь поймать ее здесь.

И когда я, наконец-то, вижу Эйвери, идущую по улице, то обнаруживаю, что она не одна. Если бы она пошла обедать с Мэттом, то не удивился бы этому, потому что, хоть я и не знаю, что между ними произошло, я знаю, они всегда будут рядом друг с другом.

Но я был полностью потрясен, когда увидел, что она идет с Йеном. И смеется, будто все в мире было чертовски изумительно. От вида ее и Йена меня начало тошнить от ревности. Со своего места, находясь на противоположной улице, я наблюдаю за тем, как они останавливаются перед ее офисом, и Йен обнимает ее, долго обнимает, слишком долго. В действительности, для меня и полсекунды слишком долго. И сейчас, когда мы находимся на краю, этот момент с участием Йена заставил меня еще сильнее тревожиться.

Эйвери открывает дверь и проскальзывает внутрь. Йен оборачивается. Наши взгляды встречаются. Он ухмыляется. И этого хватило для того, чтобы мое терпение лопнуло. Я перехожу улицу и встаю лицом к лицу с ним:

— Что ты, черт возьми, задумал?

— Ничего. Если ты не знаешь, как о ней позаботиться, то тогда не заслуживаешь ее, — он поднимает бровь.

— То, что ты можешь погубить меня, доставляет тебе огромное удовольствие, верно? Тебе не нужна Эйвери. Ты просто хочешь отнять у меня то, что принадлежит мне.

— Ты не заслуживаешь ее точно так же, как не заслуживал Джессику.

Он делает шаг вперед, но не думаю, что с моим взрывоопасным темпераментом, это была хорошая идея.

— А ты? Думаешь, Джессика все еще хотела бы тебя, если бы увидела, в кого ты превратился? — он вздрагивает, но ничего не отвечает. — Просто держись подальше от Эйвери.

— А если нет? Ты прекрасно понимаешь, что, как только я заполучу ее, она больше никогда не вернется к тебе. Джессика бы никогда не вернулась к тебе. Вот почему ты убил ее.

Он это сделал. С меня хватит. Я больше не собираюсь терпеть это дерьмо. Я делал это на протяжении долгих лет, потому что думал, что заслужил это. Но теперь, когда он встал между мной и Эйвери, с меня хватит.

Я не успеваю сдержать свой гнев и бью Йена по лицу, толкаю его к ближайшей машине и обвиваю рукой его шею. Он ударяет меня достаточно для того, чтобы моя хватка ослабла.

— Что ты делаешь? Отпусти его, — слышу голос Эйвери, но не обращаю на нее внимание, пока не чувствую, как она тянет меня за руку.

Я выпускаю Йена из хватки и вытираю кровь тыльной стороной ладони. Эйвери сердито оглянулась на меня, пока осматривала Йена. Сразу после того, как она попросила его уйти, она затягивает меня в вестибюль здания и скрещивает руки на груди.

— Несколько месяцев назад я спросила у тебя, кто ты. Под всем этим дерьмом и ложью кто же ты, Ксандер? Лично я до сих пор этого не знаю. Уличные драки? Спишь с незнакомками, а потом лжешь мне, когда узнаешь ее, кто она такая. Не говоря уже о несчастном случае, — она тыкает мне пальцем в грудь и продолжает. — Ты должен был рассказать мне сразу, как узнал. Тебе следовало довериться мне, довериться в этом, — она сердито помахала пальцем в пространстве между нами. — Вместо этого ты насрал на мои чувства. Не знаю, что, ты думаешь, произошедшее только что на улице доказывает. Но мне это доказало, что я никогда по-настоящему не знала тебя.

— Эйвери, ты знаешь меня. Ты знаешь, что отношения между мной и Йеном всегда были взрывоопасными. То, что ты провела время с ним, свело меня с ума.

— Ну, он мой друг. Он говорит мне правду. На данный момент я могу заводить себе любых друзей, потому что люди исчезают из моей жизни очень быстро.

Она разворачивается и направляется к лифту. Двери открываются, и она сразу же заходит внутрь и не оглаживается, пока они снова закрываются.

Глава 8

Твоя мама — за мою

Эйвери

Я просыпаюсь одна и сразу же перевожу взгляд на сторону Ксандера. Я не могла понять, как спала одна на протяжении многих лет, но всего лишь три месяца с Ксандером, и вдруг он оставляет невидимый отпечаток на моей кровати как утверждение, что это место его. Это все возвращало в то ужасное утро, когда я потерялась в его нежном поцелуе и пылком взгляде.

Я ненавижу себя за то, что все еще жажду его, за то, что все еще люблю его. Не было легкого пути преодолеть это, но я все же решаюсь найти его. И, так как теперь он владеет моим сердцем, я убеждена в том, что без него мне будет однозначно лучше.

Как психотерапевт я знала все способы, как обмануть и обратить свои чувства, чтобы они казались нормальной частью расставания. Но пустота внутри меня была ненормальной, и не было учебника, который мог бы мне рассказать, как ее заполнить. Я знала, что балансирую на опасной грани. Любовь является катализатором целого ряда болезней. Проблема не в любви. Именно так мы справляемся с причиной разрушения, которое выбивает почву из-под наших ног.

Чувства, которые он заставил меня почувствовать, были слишком безумными, чтобы это все закончилось хорошо. Переход от блаженной любви к невероятно враждебному отношению к Ксандеру произошел настолько стремительно, что это больше походило на лихорадку и окунание в ванну, наполненную ледяной водой. Шок от произошедшего охватил мое тело и мои эмоции, и я не могла понять, в чем дело. Таким образом, смехотворное отторжение происходящего у меня заключалось в нежелании проснуться рядом с Ксандером.

Я вскакиваю с постели, принимаю душ и неохотно плетусь на кухню. В доме тишина.

После того, как Элли и Ксандер ушли из моей жизни, одиночество стало моим истинным спутником. Не то чтобы моя жизнь была полна людей до этого, но одним махом я потеряла Элли, Ксандера и Сьюзен.

Сьюзен...

Я пряталась от вопросов к Сьюзен достаточно долгое время. Я избегала ее после того странного ужина у нее дома. Я будто не хотела получить ответы, потому что чувствовала полное опустошение.

Я в какой-то степени поняла, почему она стала частью моей жизни, но мне нужно встретиться с ней лично. На субботу у меня абсолютно никаких планов. И понимаю, что мне необходимо съездить в поместье Пирс, чтобы перестать думать обо всем, в чем Сьюзен обманула меня, и вытянуть из нее правду — если это вообще возможно сделать хоть с одним из Пирсов.

Я подъезжаю к поместью Пирс, и в животе скручивается узел. Когда я в первый раз приехала сюда с Ксандером, то подумала, что дом похож на современный замок, на самом деле красивый, но неприлично большой для такой маленькой семьи. Тогда же пологие зеленые лужайки и явная экстравагантность местности смутили меня. Я просто понимала, что у нас с миссис Пирс не может быть ничего общего. Но тогда я еще не знала, что нас связывает почти половина моей жизни.

Все же я уговариваю себя выбраться из машины, подняться по лестнице и позвонить в дверь. Сьюзен открывает мне дверь, и ее улыбка медленно сползает с лица. Она выглядит немного озадаченной моим появлением, но она ведь должна была предполагать, что рано или поздно я все равно приеду.

Сьюзен всегда выглядела очень молодо для своих практически пятидесяти лет. Светло-каштановые длиною до плеч волосы, мелкие морщинки вокруг серых глаз. Ничего похожего на меняющуюся радужку глаз Ксандера. Он, должно быть, унаследовал цвет глаз от обоих родителей, потому что таких еще ни у кого не было.

— Эйвери, — с осторожностью поприветствовала она меня и отступила, пропуская внутрь. — Входи. Я как раз собиралась выпить кофе.

Она закрывает дверь, и я следую за ней через фойе дальше по длинному коридору, и мы оказываемся в кухне. Я сажусь за стол рядом с окном и выглядываю в огромный сад.

— Кофе со сливками и сахаром, верно?

Я поворачиваюсь к ней, и наши глаза встречаются:

— Я не хочу кофе, Сьюзен.

— А как на счет чая? — она берет в руки заварочный чайник.

— Нет.

— О, у меня есть эти просто фантастические кексы из городского кафе, — она берет корзинку с выпечкой и ставит в центр стола.

— Сьюзен... — я в отчаянии провожу рукой по волосам. — Я здесь не для того, чтобы завтракать. Думаю, мы обе понимаем, зачем я здесь.

Она встает рядом со столом и пристально смотрит на меня. Я жестом указываю на место с противоположной стороны стола, и она садится. Мы не отводим глаз друг от друга, но ни одна из нас не произносит ни слова. Разговор, которому суждено произойти, повис в воздухе, но я практически боялась его. Я не хотела, чтобы и Сьюзен исчезла из моей жизни. Но я знала, что ее забота обо мне не была ради меня самой.

— Итак, все эти годы все, что ты для меня делала, было ради Ксандера, — хриплым шепотом, совершенно не узнаваемым для меня, говорю я.

— Нет, — возражает она, пытаясь дотронуться до моей руки, но, кажется, догадавшись о моей реакции, она кладет свои руки обратно на колени.

— Не лги мне, Сьюзен. Не теперь.

Она вздыхает:

— Никогда я это не делала ради Ксандера. Это всегда была забота о маленькой девочке, которая потеряла все. Впервые я увидела тебя на похоронах твоих родителей.

Я пытаюсь вспомнить, видела ли Сьюзен, но не могу. Весь день тогда прошел как в тумане. Многочисленные незнакомые мне люди, которых я никогда не встречала до того дня, посягали на прощание с моими родителями.

— Я спрашивала у всех, пытаюсь выяснить, куда ты пойдешь и кто тебя забирает. Но через некоторое время я узнала, что тебя собираются отдать в чужой дом. Мне было необходимо присматривать за тобой, быть уверенной, что ты в безопасности, поэтому я солгала.

Я крепко сжимаю челюсть. Я пришла сюда не для того, чтобы злиться, но в данный момент именно это я и чувствую.

— Если бы ты была так озабочена моей безопасностью, тогда почему ты не забрала меня? Вы живете в этом роскошном доме, и у тебя было более чем достаточно средств, чтобы сделать это.

Она опускает взгляд на стол. Ее плечи слегка поникли. Через несколько минут она продолжает, не встречаясь с моим требовательным взглядом:

— Я знаю, что ты пришла сюда за правдой.

— Так дай мне ее. Ты мне ее должна не меньше других.

Я складываю руки на столе и жду. Она смотрит на меня:

— Честно, я хотела помочь тебе, но я не могла привести тебя сюда, потому что должна была защитить своего сына и мужа.

— Чушь собачья.

Она вздрогнула, ведь она была мне как мать, и я никогда не позволяла себе так разговаривать с ней. Я так же была шокирована ядом в своем голосе, но не смогла сдержать его:

— Как бы мое пребывание здесь им навредило?

— После того несчастного случая Ксандер был просто убит морально. Я знаю, что, если бы он узнал о тебе, это стало бы последней каплей. Он бы пошел и сдался, но Джонатан уже скрыл все детали несчастного случая. Приведи я тебя сюда, и тогда я поставила бы все под угрозу. Если бы кто-нибудь узнал, что мэр, баллотирующийся на место сенатора, скрыл роль своего сына в аварии, следствием которой было три смерти... — она вздыхает. — Я знаю, что все это звучит эгоистично, но тогда я просто пыталась защитить всех участников события.

Я качаю головой:

— Я доверяла тебе.

— Знаю.

— Ты помогала мне скорбеть. Ты заставила меня пойти к доктору из-за моих панических атак. И если бы ты тогда не подтолкнула меня к этому, то я сейчас не была бы психотерапевтом. Я хотела помогать людям так, как доктор Адамс помог мне. Я никого не

подпускала к себе так, как подпустила тебя, а теперь я узнаю, что все это было ложью. Прикрытием.

Я убираю руки со стола. Она протягивает руки и на этот раз более решительно, чтобы обхватить мои сжатые кулаки. Я пытаюсь отстраниться, но она слишком крепко их держит.

— Я знаю, что предпочла Ксандера и Джонатана тебе, но никогда не сомневайся в том, что я любила тебя. И всегда буду любить.

Я ненавидела то, что хотела все это забыть и принять обратно ее, Ксандера и Элли в свою жизнь. Это хуже всего. Между моим сердцем и мозгом происходила битва. Мой мозг все видел с ясностью. Видел холодные и жестокие факты. Но мое сердце стремилось размыть четкие границы и сосредоточиться на хороших воспоминаниях, и это сделало мои чувства более значительными, как будто только они и имеют значение.

— Если бы не ты, то я бы не была тем, кто я есть сейчас. Я не говорю, что не злюсь на тебя, но... — я пожимаю плечами, — ты помогла мне с поступлением в колледж, с моим трастовым фондом и... — я замолкаю, когда Сьюзен отдергивает от меня свои руки и отводит взгляд. — Сьюзен? — я растягиваю ее имя из-за ее странной реакции.

— Я больше не могу тебе врать, — она смотрит на меня.

Я пытаюсь понять, почему мои слова вызвали у нее такую реакцию. Она смотрит мне в глаза, но молчит.

— Трастовый фонд? — это последнее, что я тогда сказала. Она кивает, ее губы плотно сжаты. — Это на самом деле страховка жизней моих родителей? — я щурюсь и с подозрением наблюдаю за ней.

Она качает головой. Спокойствие, в котором я пребывала, начало исчезать, и во мне снова зарождается гнев:

— Откуда он взялся?

Она не отвечает, а я уже устала от лжи и молчания.

— Откуда! — я ударяю кулаком по столу, заставив Сьюзен вздрогнуть.

— Страховка была. Но не такая большая, как получила ты.

— Сколько?

— Две тысячи.

Она заламывает руки.

— В этом фонде было больше миллиона, — мой голос грохочет от бушующей ярости.

Все было ложью. Столько вранья вокруг меня. Я не уверена, знаю ли теперь, что на самом деле было реальностью.

— Мы с Джонатаном решили откладывать деньги на счет до твоего совершеннолетия, — признается она.

— Покаянные деньги, — обвиняю я.

— Нет.

— Да! — я вскакиваю со своего места, ножки стула царапают пол. — Твой сын убил моих родителей. И тогда вы с мужем прикрыли его и заплатили мне, чтобы загладить его вину.

— Эйвери, милая, — она встает, одной рукой тянется ко мне, а другую кладет себе на грудь.

— И что хуже всего, ты находилась рядом и позволяла Ксандеру иметь мое сердце, зная, что он натворил, — я указываю на нее пальцем.

— Эйвери, прошу, — она ахает, сторбившись и сжимая грудь.

— Правда, вы поспособствовали той лжи, которая полностью изменила мою жизнь.

— Эйвери... — ее дыхание становится прерывистым, и она начинает хрипеть. —

Скорую, — удается проговорить ей.

Дерьмо

— Сьюзен? — я подхожу к ней и успеваю поймать ее, прежде чем она рухнула бы на пол. Я достаю свой телефон и быстро набираю 911. Хватка ее пальцев на моей руке становится слабее.

— Прости, — еле слышно шепчет она.

Пока я разговариваю с оператором, она теряет сознание. И все, о чем я могу думать, пока жду их приезда, что Ксандер подумает, будто я забрала у него мать так же, как и он отнял у меня мою.

Глава 9

Расплата

Ксандер

Десять чертовых дней.

Это дерьмо сводило меня с ума. Я знал, что, когда решил солгать Эйвери, рискнул, но тогда я не мог представить, что она уйдет от меня. Теперь, когда она действительно ушла, я думал, что должен был сделать все по-другому.

Зазвонил мой телефон, и, когда я увидел изображение Эйвери на экране, не знал, что и думать.

— Привет, — осторожно ответил я.

— Ксан... — Черт. Я не слышал ее голос уже неделю. — Тебе необходимо приехать в больницу.

— Что случилось? С тобой все в порядке?

Я схватил ключи и тут же кинулся к машине.

— Я в порядке... Твоя мама.

— Моя мама? — я остановился, немного озадаченный ее ответом, прежде чем открыть дверь машины.

— Она в реанимации. Просто приезжай сюда, ладно?

Разговор оборвался, когда я уже выезжал с подъездной дорожки. Я был в замешательстве и ужасно напуган. Почему Эйвери с моей мамой? И как, черт возьми, она оказалась в отделении неотложки? Я практически вдавил в пол педаль газа, а руками так крепко вцепился в руль, что костяшки пальцев побелели.

Сразу, как только я вошел в больницу, обнаружил Эйвери, прижимающуюся к Йену в приемной неотложной помощи. Когда она заметила, как я приближаюсь к ним, то встала и направилась мне навстречу. Я остановился перед ней и протянул руку, попытавшись обнять ее, но она быстро сделала шаг назад, догадавшись о моих намерениях.

— Что, черт возьми, с ней случилось? — огрызнулся я. Я был на взводе, поэтому мне не удавалось сдержать гнев, хотя видел, что Эйвери данная ситуация выбила из колеи.

— Это я виновата, — она выглядела такой мрачной, и я сразу же пожалел о своей резкости.

— Нет, это не так, — сказал Йен, подойдя к ней сзади и положив руки ей на плечи. Она явно была не против и даже подалась к его прикосновениям. Я сделал вид, что не придал этому движению значения, потому что сейчас мне необходимо сосредоточиться на моей

маме.

— Почему ты думаешь, что это ты виновата?

Она шагнула вперед и посмотрела на меня.

— Я отправилась поговорить с ней... обо всем, что произошло, — она начала заламывать руки, затем отвернулась. — Я разозлилась и накричала на нее. А она начала рукой сдавливать грудь и попросила вызвать скорую. Прости, Ксандер. Я пришла туда, чтобы просто поговорить.

Я потянулся и взял ее руку в свою, зная, что это единственное прикосновение, которое она позволит. Она посмотрела на наши руки.

— Что-нибудь слышно об ее состоянии?

Она покачала головой и, прежде чем отпустить, крепко сжала мою руку и вернулась на свое прежнее место рядом с Йеном.

Я направился к стойке регистрации и спросил о маме, но они дали расплывчатые ответы и попросили подождать, пока выйдет доктор. Вернувшись в комнату ожидания, я сел напротив Эйвери. Йен наклонился к ней и что-то прошептал.

О чем, нахрен, они разговаривают?

Я сомневался, что Йен не воспользуется ее уязвимостью в этой ситуации. Время тянулось, и я все больше стал беспокоиться о происходящем с моей мамой. Если в ближайшее время никто не выйдет и не поговорит с нами, то я обыщу всю больницу, пока не увижу своими собственными глазами, что она в порядке.

У нее уже некоторое время были проблемы с сердцем. Ее потрясло, когда именно сердечный приступ отнял у нас отца. Он был слишком здоров для такого. Может быть, он испытывал большой стресс из-за его политической деятельности. Или, возможно, его довели проблемы с сыном, который никогда не предпринимал попытку вернуться домой. Я не смогу справиться с потерей моей мамы так скоро после потери отца. Поэтому я сам себя убедил, что с ней все в порядке. Даже несмотря на то, что страх полностью охватил мое сердце.

Йен рукой заправил Эйвери за ухо волосы. Что за херня?

— Какого черта ты постоянно прикасаешься к ней?

Я пытался сдержаться, но не получалось. Мое терпение лопнуло, я устал наблюдать за этим тошнотворным шоу, которое Йен здесь устраивал. Они оба посмотрели на меня. Йен явно был доволен результатом, а Эйвери широко распахнула глаза от неожиданности.

— Не начинай, — резко сказала Эйвери.

— Почему ты позволяешь ему прикасаться к себе? С каких это пор он стал твоим утешителем? — я нахмурил брови и протянул руки ладонями вверх.

— Сейчас не время и не место, прекрати, — прошипела она сквозь стиснутые зубы.

А когда время? Сейчас ничем не отличалось от любого другого времени. Мне необходимо отвлечься, а встреча моего кулака с лицом Йена могла бы очень даже помочь в этом. Но прежде, чем я решил проверить свою теорию, вышел доктор и назвал нашу фамилию.

— У вашей мамы случился сердечный приступ. Сейчас она стабильна, мы провели ряд тестов, чтобы оценить всю тяжесть ситуации.

Эйвери со свистом втянула воздух и закрыла лицо руками. Йен приобнял ее за плечи и что-то прошептал на ухо. Эйвери чувствовала свою ответственность за произошедшее, а я не хотел этого. Даже если это была настигшая меня карма, за все мои заслуги, я знал, что никогда полностью не искуплю свои ошибки.

— Могу я увидеть ее? — спросил я.

— Как только мы переведем ее в палату, медсестра проводит вас к ней.

Врач развернулся и ушел, а я больше не мог сдерживаться и смотреть на Йена. Я пошел по длинному коридору и попытался укрыться где-нибудь, чтобы успокоиться, иначе меня выбросят из больницы, а именно сейчас моя мама нуждается во мне.

Я вошел в палату своей матери. Только лишь звук монитора, подтверждающий, что ее сердце все еще бьется, нарушал тишину и в данный момент лишь его мне было необходимо слышать. Она была такой бледной, что практически сливалась с больничным постельным бельем. Возле окна стояло два стула. Я взял один, поставил у постели и на протяжении долгого времени просидел так.

— Я облажался, мам. Прости, — я взял ее руку в свою. Она слабо сжала ее и приоткрыла глаза. Чуть пошевелившись в постели, она покачала головой и прижала мою руку к себе. — Все плохое, что происходило в этой семье, все из-за меня. Я не смогу пережить, если ты умрешь сейчас. Как я буду без тебя? Пожалуйста, мам. Прошу. Я знаю, что ты с огромной радостью сдашься и отправишься к папе, но не сейчас, еще не время. Я не успел наладить с ним отношения. Позволь мне с тобой наладить их.

— Никуда я не уйду, — успокоила она меня, но затем начала кашлять.

— Ничего не говори, мам, — я встал и помог ей немного приподняться.

— Воды, — прошептала она.

Из небольшого кувшина, стоявшего на тумбочке у постели, налил воды в пластиковый стаканчик. Я помог ей сделать несколько глотков, а потом снова уселся на свое место. Она долгое время просто смотрела на меня, а я не хотел заставлять ее говорить, но ее взгляд, ее глаза сказали очень многое.

— Мы оба наделали ошибок, — наконец сказала она.

Я кивнул, протянул руку и провел пальцами по ее волосам.

— Я знаю, мама. И я намерен все исправить... каким-то образом.

Дверь открылась в тот момент, когда я проводил рукой по ее лицу. Она повернула голову в сторону двери и слабо улыбнулась, когда позади меня подошел Йен. Я встал и вышел, бросив на Йена быстрый взгляд. Выйдя в коридор, я остановился.

Эйвери стояла, прислонившись к противоположной стене и опустив голову. Она выглядела опустошенной, что полностью соответствовало моим чувствам. Мне нравилось контролировать свои чувства, свои эмоции. Но то, что я чувствовал по отношению к маме и Эйвери, выбивало почву из-под моих ног. Я подошел к ней, но она попыталась обойти меня, чтобы уйти. Я потянул ее к себе и крепко обнял. Она боролась, пытаясь оттолкнуть меня.

— Пожалуйста. Позволь меня хотя бы недолго подержать тебя в объятиях.

Нам обоим это было необходимо, хоть она и отрицала это. Она перестала бороться и расслабилась в моих руках. Я уперся подбородком в ее макушку и прижал к себе еще сильнее. Я просто хотел снова почувствовать то, что у нас было, хотя бы на несколько секунд, но это было не то же самое. Ее нежелание было слишком ощутимым, даже когда она слабо обняла меня. Я хотел, чтобы она вернулась ко мне. Я хотел, чтобы она захотела меня обнимать настолько же сильно, насколько мне было необходимо обнимать ее.

Когда я отстранился и посмотрел на ее лицо, то увидел глаза, наполненные слезами. В первый раз я видел, как ее хладнокровная выдержка разрушилась под натиском эмоций. Я понял, что ей действительно очень плохо, если она позволила мне увидеть свою

сломленность. Я хотел помочь ей — повернуть время вспять и сделать нашу любовь совершенной. Но мы были обречены с самого начала, и, если бы хоть кто-то из нас узнал про нашу связь в прошлом, будущего никак не могло бы существовать.

— Я скучаю по тебе, — сказал я, зарываясь пальцами в ее волосы.

Она машинально подалась к ласке и закрыла глаза:

— Не надо, Ксандер... Пожалуйста.

— Почему?

— Потому что ты и я вместе — это сущий хаос, — она оттолкнулась от моей груди и отошла назад, тем самым разрушая нашу связь. — Посмотри на нас, — она указала рукой на меня и на себя. — В этом коридоре настолько много эмоций, я не уверена, что места хватит для кого-то еще.

— Значит, ты признаешь, что все еще любишь меня?

— Любовь незначительное чувство, учитывая весь гнев, отвращение, презрение и боль, чтобы перекрыть все эти эмоции.

Я тяжело вздохнул, убрав руки в карманы, чтобы не было соблазна притянуть ее обратно.

— Я не знаю, что ответить на это.

— Этого и не требуется. Ты убил моих родителей, а сейчас я могла убить твою маму. Невозможно построить любовь на обломках.

И она ушла, скользя по длинному коридору с опущенной головой и скрещенными руками. Несмотря на все обломки и хаос, мое сердце отправилось вслед за ней по этому самому коридору. Как же чертовски жаль, что я не могу просто взять и отпустить ее.

Глава 10

Дружеский обед

Эйвери

— Кажется, мне нужна помощь профессионала, Мэтт.

— Ну, ты пришла к нужному человеку, — пошутил он, когда перевел взгляд со своей тарелки на меня.

— Я серьезно, Мэтт. После встречи со Сьюзен, стало только хуже. Кажется, теперь я страдаю бессонницей и чувством вины. Только представь, если бы она умерла из-за меня? — я неодобрительно покачала головой.

Мэтт встал со своего места в кабинке и сел рядом со мной, обняв рукой за плечи:

— Ты же понимаешь, что это не твоя вина, так ведь?

— У нее было больное сердце, Мэтт! Почему я об этом не знала?

Я ударила рукой по столу. Он вздохнул:

— Потому что все из этой семейки лгут тебе. Ты не могла знать, что у нее случится сердечный приступ. Ты отправилась туда за ответами, которые заслужила.

— Но какой ценой?

Он сжал мое плечо.

— Ты навещала ее?

Я энергично помотала головой:

— Ты с ума сошел? Я чуть не убила эту женщину. Я не собираюсь прийти в больницу и сделать тем самым только хуже.

— Эйвери... Прекращай так драматизировать. Это была случайность. Ты же не пойдешь туда с намерением накричать на нее. Просто проведай ее. Во всяком случае, как только ты

увидишь, что ей лучше, то сон вернется к тебе.

Я усмехнулась. Сильно сомневаюсь в этом. Учитывая сердечный приступ Сьюзен, предательство Элли и ложь Ксандера, я вряд ли смогу спать еще целый год.

Мэтт встал и занял свое прежнее место:

— Ты хотя бы попытаешься? Прошло пять дней. Вероятнее всего, ее уже скоро выпишут.

— Я подумаю.

Кивнув, он продолжил есть свой обед. Я же несколько минут ковырялась в своем салате. Мэтт поднял голову, и я увидела на его лице странное выражение.

— Приближается, — пробормотал он, глядя в сторону входа. Я повернулась в ту сторону и увидела Ксандера, подходившего к нашему столику. Как только наши взгляды встретились, я сразу же отвернулась к Мэтту.

«Помоги», — одними губами произнесла я ему, и он рассмеялся от моего очевидного приступа паники. Мэтт всмотрелся в мое лицо и явно смутился:

— Что ты хочешь, чтобы я сделал?

Нам нужно прекращать обедать в одном и том же месте. Слишком предсказуемо.

— Прошу прощения, что помешал вашему обеду, — сказал Ксандер, останавливаясь рядом с местом, где я сижу.

— Нет, ты не помешал, — выпалила я. Я устала в свою тарелку, но боковым зрением наблюдала за ним. Я пыталась представить, что его там нет, но одного желания для этого мало.

— Эйвери, — сказал он, пытаясь привлечь мое внимание.

В конце концов, я все же посмотрела на него:

— Ты до сих пор преследуешь меня?

Он улыбнулся, его ямочки стали более выразительными. Несправедливо, что он выглядел таким красивым, несмотря на все происходящее в данный момент дерьмо.

— Я бы назвал это заинтересованностью в сохранении чего-то особенного, — заявил он.

— Я бы назвала это маниакальной привязанностью.

— Если это так, то тебе придется взять меня обратно на продолжительное лечение. Поможешь мне выбросить тебя из своей головы.

Он вздернул бровь, но не собирался заманивать меня на встречу во время сеанса. Он был официально исключен из моего графика.

— Я, пожалуй, пойду. Если я тебе понадобится... — Мэтт встал и помахал своим телефоном, показывая, что я могу позвонить ему, и ушел. Я покачала головой, но он просто улыбнулся.

Друг — в полном смысле слова. Ксандер скользнул в кабинку с большой, довольной улыбкой на лице.

— Ты хотел избавиться от него, — я посмотрела на него.

— Зачем мне это? Это ведь был обычный бизнес-ланч, — пожал он плечами.

— А если не обычный? — бросила я вызов, пытаясь вывести его на эмоции.

— А он не обычный? — спросил он, нахмутив брови.

— Не твое дело, — я продолжила ковыряться в своей еде, аппетит совсем пропал.

— Не трахай мне мозг, Эйвери. Если он мне конкурент, то мне нужно знать, — он склонился ближе ко мне через стол.

— Какая конкуренция? Между нами ничего нет, Ксандер, — я подняла глаза, но тут же

опустила их обратно в тарелку.

— Просто ответь на единственный вопрос, — он оперся локтями о стол. — Вы трахались?

— Почему это так важно для тебя? Мы с Мэттом были вместе задолго до знакомства с тобой.

На этот раз я встретила с ним взглядом.

— Но теперь ты моя!

Я огляделась и заметила, как несколько человек посмотрели на нас.

— Ты сам себя слышишь? Господи, Мэтт просто мой друг. Но ты не единственный, кто может использовать секс, как средство для решения проблем.

Он откинулся на спинку стула, его глаза сверкали от гнева, а челюсть была крепко стиснута. Прошло несколько минут молчания. Мы просто смотрели друг на друга, ведя безмолвную битву. Он выглядел уставшим и измотанным.

— Ты спишь?

Зачем я это спросила? Он отвел взгляд от меня и покачал головой.

— Ты знаешь, что нехватка сна может заставить почувствовать тебя, будто ты сходишь с ума.

Я, должно быть, лишилась здравого рассудка, раз проявляю заботу о его состоянии.

— Не думаю, что на этот раз виной этому может стать бессонница, — он схватил меня за руки и продвинулся вперед. — Послушай, ты действительно нужна мне. Я знаю, что ты больше не хочешь быть со мной, но можем ли мы возобновить наши профессиональные отношения?

Я усмехнулась, но он продолжал смотреть на меня действительно умоляющими глазами.

— Между мной и тобой ничего не остается профессиональным, — я посмотрела на наши соединенные руки и высвободилась. Он чувствовал себя более комфортно, когда держал меня. — И ты прекрасно знаешь это.

— Эйвери, пожалуйста. Я обещаю вести себя прилежно. Никаких прикосновений, никакого флирта, только разговоры. Я хочу иметь возможность объяснить тебе причины того, что сделал. Почему я от тебя что-то скрывал.

— Почему ты солгал.

Он отвернулся. Он даже не мог посмотреть мне в глаза и сказать, что солгал. Почему я должна верить в то, что он считал способ справиться с этим неправильным.

— Прости, Ксандер, но я просто не готова к этому.

Я взяла свою сумку, встала и ушла.

Глава 11

Гостья

Ксандер

— Ксандер? — из-за плохой связи голос Вероники звучал как будто издалека.

— Что случилось, Вероника?

В последний раз, когда я видел ее в Лос-Анджелесе, она была так зла, что, я думал, больше никогда ее не услышу.

— Мне нужно, чтобы ты меня забрал, — связь улучшилась, но я все еще не мог понять, почему она думала, будто я вернулся в Калифорнию. Она, должно быть, снова под кайфом.

— Я не в ЛА, Вероника. Ты же знаешь это, — я проговорил это так медленно, будто

разговаривал с ребенком.

— Я тоже. Я в международном аэропорту Си-Так.

Я свернул на обочину и остановил машину.

— Что ты делаешь в Си-Так?

— Мне надо было уехать, Ксандер. Пожалуйста... можно мне остаться у тебя на несколько дней? Я обещаю, никаких наркотиков или алкоголя. Мне просто надо исчезнуть на какое-то время.

— Почему, черт возьми, ты не спросила меня прежде, чем посадить свою задницу в самолет?

Несколько секунд она молчала. Затем призналась:

— Потому что я знала, что ты скажешь «нет», а, так как я уже здесь...

Я бы позволил ей остаться. Блять!

— Я приеду за тобой, но максимум на два дня. У меня слишком много проблем, чтобы еще и с этим дерьмом связываться.

— Спасибо, Ксандер, — взвизгнула она и отключилась.

Я развернул машину и направился в аэропорт. Вероника — это неприятность, но мы годами помогали друг другу, и я не мог просто взять и оставить ее в Сиэтле, когда ей нужно было уехать оттуда. У нашей дружбы было слишком много взаимозависимости. Наркотики, алкоголь, секс, промывание и все по новой. Я не хотел снова застрять в этом цикле. Я знал, что нужно уйти от этого, и я не знал более уединенного места, чем это.

Две ночи спустя мы с Вероникой сидели в баре в паре кварталов от офиса Эйвери. Оказалось, что мой дом был слишком уединенным местом для нее. Я хотел быть настолько незаметным, насколько было возможно, но ее это не устраивало. У меня здесь попросили автографов больше, чем когда я приехал в Сиэтл. Ее новый друг избил ее, а я оказался первым в списке, о побеге к кому она подумала. Я рад, что она ушла от него, но ей необходимо изменить свой образ жизни, возможно, вернуться в реабилитационный центр. Она пообещала прекратить употреблять наркотики и алкоголь и на протяжении этих двух дней придерживалась своих слов, но сейчас Вероника уже была в стельку.

Она залпом выпила четвертую стопку и жестом попросила бармена налить ей еще.

— Хватит дуться, — сказала она, толкая меня плечом. — С твоей мамой все будет хорошо, и на хрен Эйвери. Во всяком случае, мне эта сука не нравилась.

Конечно, ей не нравилась Эйвери. Она сделала мой член навечно недоступным для нее. А она пыталась.

— Никогда не ссорьтесь с психиатром. Они берут все, что вы говорите и делаете, и превращают в какой-то невроз и психоз, — она усмехнулась, затем подвинула рюмку ко мне. — Это поможет.

Я подвинул ее обратно к ней и сказал:

— Ты же знаешь, я больше не пью.

— Знаю, — она закатила глаза. — Ты не пьешь, ты не трахаешься...

— О, я все еще трахаюсь. Просто не со случайными женщинами.

— И все же, мы поставим это здесь, а вдруг передумаешь, — она снова поставила ее передо мной, затем прыгнула со своего барного стула и направилась к танцполу.

После того, как Эйвери несколько дней назад просто ушла из закуской, я пытался скрыться, уединиться. Возможно, Вероника была напоминанием о том, что будет с моей

жизнью без Эйвери, и мне это не нравилось. Поэтому, несмотря на все свои сомнения, я взял телефон и набрал номер Эйвери.

— Зачем ты звонишь, Ксандер? — с опаской ответила она.

— Я просто хотел услышать твой голос. Узнать, все ли с тобой в порядке.

Она вздохнула, и я услышал, как она поерзала в постели:

— Больше не звони, Ксандер.

— Подожди! Не вешай трубку, — я провел пальцем по кромке рюмки.

— Что?

— Я знаю, прямо сейчас ты меня ненавидишь, но просто знай... Я люблю тебя... ладно?

В ответ тишина, затем звонок оборвался. Она повесила трубку, и я не знал, ожидал ли я, что будет по-другому. Я закинул свой телефон в карман и провел пальцами по волосам. Я чувствовал, что она отказывается от нас, но я не готов был сделать это.

Я долго смотрел на рюмку. И, клянусь, было ощущение, что она весила тонну, когда я поднял ее. Я перестал думать, только чувствовал. Когда жидкость стекала по моему горлу, это чувствовалось предательством, так как я предал себя, поддавшись этому искушению.

И так начался эффект домино — как только я выпил одну, за ней последовали еще рюмки. Я помню, как Вероника ушла с каким-то парнем, с которым она познакомилась, а я все еще сидел на стуле с бокалом в качестве моей компании. Я постоянно крутил свой телефон в руке, сдерживая желание снова позвонить Эйвери. Но, как только вы начнете пить, все ваши запреты растворяются.

Глава 12

Пьяный звонок

Эйвери

Тяжелое тело Ксандера прижимало меня к матрасу. Его твердый и толстый член толкался в меня, полностью заполняя. Пальцами я проследила твердые очертания мышц его спины, напрягавшихся во время толчков. Я гладила его гладкую кожу и смаковала звуки его тяжелого дыхания напротив моего уха. Я наслаждалась ощущением его кожи, звуком его стонов и ощущением его члена внутри меня. Я приближалась к всепоглощающему оргазму, когда...

Я проснулась. Мне было жарко, я вспотела и дышала так, будто это совокупление было реальным. Да, именно так я сейчас это назвала, потому что не могла избавиться от этого. Мое совокупление с Ксандером во снах стало обычным явлением. Мое тело страдало от того, что я отказывала себе в этом. И единственное его удовлетворение приходило в эротических снах о том, как я хотела, чтобы Ксандер трахнул меня.

Звонил мой телефон, и я поняла, что именно этот звук разбудил меня. Я протянула руку и, не посмотрев, кто звонил, ответила:

— Алло.

— Не вешай трубку... Я хочу поговорить с тобой, — невнятно произнес Ксандер.

— Ксандер, ты в порядке? — я села в постели, пытаюсь проснуться.

— Мне нужно... Можно я приеду к тебе..? Один раз... последний раз.

— Ты пил?

Господи, не позволяй ему отказаться от своей трезвости, молила я, в то время, как мое сердце сжалось.

— Нет... да, но я в порядке... Эйвери?

— Да..? — я поднялась с кровати, достала чистые шорты и майку, так как те, в которых

я спала, были пропитаны потом.

— Прости меня, детка.

Не сейчас. Сейчас я и в самом деле не хотела иметь дело с этим. У нас слишком много всего происходило, чтобы задумываться о его алкоголизме.

— Где ты, Ксандер? — я намеренно проигнорировала его извинения, потому что это вызывало чувства, которые я не хотела испытывать.

— Не знаю. Какой-то бар... Мне нужно увидеть тебя... Приехать к тебе...

— Нет, скажи мне, где ты, и я приеду за тобой, — я не могла позволить Ксандеру снова оказаться за рулем пьяным.

— В паре кварталов от твоего офиса, — он тяжело дышал, и я поняла, что он выпил больше одной порции.

— Оставайся там, я приеду, хорошо? — он не ответил, но я все еще слышала шум в баре на заднем плане, когда схватила ключи и вышла из дома.

— Ксандер? — тишина. Но я слышала его дыхание в трубке.

— Я облажался, Эйвери. Я просто... я не мог спать, не мог работать, думал о том, что я сделал с тобой, с твоими родителями. Что я сделал с ней, — он замолчал, когда я заводила машину. — Я не знаю, как это исправить. Некоторые люди просто... не заслуживают любви, — он вздохнул, когда произнес мои слова. Мою грудь сдавило, я вцепилась в руль, когда телефон погас.

— Черт!

Я ударила руками по рулю и уперлась в него лбом. Я была зла, раздражена и, прежде всего, я была убеждена. Убеждена в том, что я настолько сильно запала на Ксандера, что не смогу вычеркнуть его из своей жизни. Тот факт, что я летела в два часа ночи, разыскивая его в неизвестном баре, только доказывал это. Несмотря на все, Ксандер смог заставить меня бросить все. Ксандер все еще мог заставить меня любить его.

Заскочив в два бара, находящихся на той же улице, что и мой офис, я нашла Ксандера в небольшом пабе через несколько кварталов. Он сидел в баре. Рядом сидела какая-то женщина и пыталась привлечь его внимание, но он был больше заинтересован в своем бокале. Он держал его и, внимательно разглядывая жидкость, крутил в руке. Если он думал о том, чтобы заказать еще выпить, то я не собиралась позволить ему сделать это.

Я скользнула на стул рядом с ним, глядя прямо, намеренно избегая смотреть на него:

— Готов уйти?

Он переключил свое внимание с бокала на меня:

— Ты пришла.

Она казался удивленным, что я действительно появилась здесь. Он положил локоть на поверхность барной стойки и наклонился к моей руке, сжатой в кулак:

— Ты злишься?

На самом деле я в ярости.

— Я просто хочу, чтобы ты благополучно добрался до дома. Мы можем уйти прямо сейчас?

Я была напряжена, поэтому эти слова я проговорила сквозь стиснутые зубы.

Он протянул руку и коснулся моих волос, пропуская локоны сквозь пальцы. У меня возник соблазн уйти, но я не хотела ничего говорить или делать, что могло бы вызвать пьяную исповедь.

Женщина, сидящая справа от него, поняла, что ей не светит его внимание, и покинула

свое место. Я замерла, когда он впился пальцами в мои волосы, наклонился и понюхал их.

— Ты всегда так приятно пахнешь... хочется съесть.

Я спрыгнула со своего стула, когда почувствовала его язык на своей шее.

— Пошли, — сказала я, игнорируя теплое ощущение, которое быстро усиливалось от этого незначительного прикосновения.

Я скрестила руки и подняла бровь. Он нехотя встал и последовал за мной из бара.

Пока я ехала к нему, он задремал, бормоча бессвязные слова. Когда мы добрались до места, я разбудила его, достала из кармана ключи и повела его в дом. Я помогла ему дойти до спальни, и надо было бы уйти. Но я осталась, сняв с него обувь и джинсы, прежде чем он рухнул на кровать.

Когда я развернулась, чтобы покинуть комнату, он схватил меня за руку, потянул к себе, и я упала на кровать. Для пьяного человека он был слишком ловким. Через мгновение он оказался надо мной, целуя мою шею и стаскивая мою кофту.

— Ксандер, остановись.

Мне хотелось казаться более убедительной. Я хотела, чтобы мое тело не отвечало на его прикосновения. Его правая рука ласкала мою грудь, а левая работала над шортами. Останови его сейчас.

Я знала, что мое сопротивление, когда дело доходило до Ксандера, было бесполезным, поэтому было бы разумнее притормозить до того, как дело дошло до катастрофы, но, несмотря на то, что я пыталась сделать это, он был слишком настойчивым.

Его рука и губы были очень убедительными, и я потеряла всякую надежду остановиться, когда он прошептал:

— Просто позволь мне заставить тебя кончить. Господи... я просто хочу снова услышать, как ты стонешь.

Его рука оказалась у меня в шортах, и он начал ласкать пальцами мой клитор. Я смутилась от того, какой мокрой уже была. Иисус, я скучала по его пальцам... и всему остальному.

Он скользнул двумя пальцами по моему клитору, а затем нырнул ими в мою киску. Вернулся к моему клитору и снова скользнул внутрь. Он снова и снова дразнил меня восхитительными движениями пальцев по моей киске, пока не добился именно того, о чем просил. Умоляющих стонов. Он стянул вверх мою кофту и лифчик, обнажив грудь. Он начал беспощадно трахать меня своими пальцами, когда втянул сосок в рот. Я толкалась навстречу его пальцам, вращая бедрами и тяжело дыша, когда моя кульминация настигла меня.

Я кончила, окутанная сексуальной дымкой, которая заставила меня забыть, хоть и на несколько коротких минут, как я была разочарована и как я была зла на этого человека. Я винила в этом физическое изнеможение. Мое тело было глупым, не понимая, насколько лживым был этот человек с нами. Оно было кровожадным, голодным, диким зверем, который получил удовольствие от Ксандера. Несмотря на то, что результатом будут мучения.

Его голова покоилась у меня на ключице, дыхание нежно ласкало мою кожу. Он был на грани падения в пьяный ступор, но пальцы его были все еще погребены в моей киске. Да плевать. Я решила обвинить в произошедшем свою киску и ее непоколебимую потребность почувствовать прикосновение Ксандера.

Он вздохнул, лежа наполовину на мне, наполовину на кровати. Я передвинулась, и его пальцы выскользнули из меня. Другая его рука лежала на моей груди. Но затем он добил меня, словно кинжалом в сердце:

— Я так сильно люблю тебя, до боли в сердце, — пробормотал он.

Я подавила вскрик, когда выскользнула из-под тяжести его руки и, поправив одежду, пересекла комнату. Он приподнял голову, потянулся ко мне, но быстро обмяк и уснул.

Выйдя во внутренний дворик, я села на шезлонг и посмотрела на звезды. Снаружи я выглядела цельной, но внутри я была разбита. Я не могла поехать домой. Поэтому я находилась под звездами и сделала то, что сделала, когда погибли мои родители. Я легла и заплакала.

Я скорбела по своим родителям и всхлипывала, потому что так сильно любила мужчину, который отобрал их у меня. Я не знала, как прекратить это. Не знала, как смириться с виной за то, что испытывала эти чувства к кому-то, кого должна была ненавидеть. Любовь была сложной эмоцией. Вы можете сочетать в себе ненависть, разочарование, обиду, боль, горе, замешательство, но капля любви — и каким-то образом эта эмоция овладевает всеми остальными, поднимается на вершину и контролирует всю вашу сущность.

Самое печальное, что Ксандер теперь знал, что у него есть шанс. Я знала, что у него есть шанс. Я безумно любила его, и он в полной мере пользовался этим.

Глава 13

Похмелье

Эйвери

Я вздрогнула и проснулась. Солнце только вставало, и ранний утренний ветерок заставил меня съежиться от прохлады. Я услышала громкий звук и села. Посмотрев сквозь стеклянную дверь, которая вела в комнату Ксандера, я увидела его все еще спящим. В другой части дома зажегся свет, и я снова услышала шум.

Одна дверь вела во внутренний дворик, а другая — в кухню. Я встала, прокралась за угол и заглянула за дверь. У меня перехватило дыхание, когда я увидела Веронику в кухне Ксандера.

Она стояла ко мне спиной, а двери были закрыты, поэтому я вернулась в комнату Ксандера, прошла через нее и направилась прямо в кухню.

— Что ты здесь делаешь? — требовательно спросила я, немного более нахально для той, кто не хотела больше иметь ничего общего с Ксандером. Но, учитывая, что именно его рука несколько часов назад находилась в моих трусиках, я предположила, что это дает мне право на ответы. Или я убедила себя в этом.

Она нахмурилась и продолжила делать себе бутерброд. Затем пожала плечами.

— Я тут уже три дня, — сухо сказала она.

Я смотрела, как она двигается по кухне Ксандера в лифчике и трусиках, как у себя дома. Я разозлилась. Я могла бы принять это. Ревность? Ее я не хотела признавать, но ее привкус присутствовал. Это не значило, что я хотела бы вернуться в жизнь Ксандера. Это просто означало, что я не была в восторге от того, что он смог так легко заменить меня, а потом заманить прошлой ночью волшебными пальцами и мучительными словами, произнесенными моему сердцу.

Я покачала головой и направилась обратно в комнату Ксандера. Я не собиралась тратить силы на споры с Вероникой, когда я могла получить ответы от него.

— Ксандер! — я ворвалась в его комнату.

— М-м-м, — проворчал он, схватив подушку и накрыв ею голову. Свернувшись калачиком, он был полностью обнаженным, демонстрируя мускулистый пресс и огромный,

твердый член.

Боже, я скучаю по этому члену. Я энергично покачала головой, чтобы освободиться от медленно захватывающей меня похоти, и отругала свое тело за то, что оно было настолько слабым. И когда он, черт возьми, полностью разделся?

— Ксандер!

— М-м-м-м-м-м... болит... — застонал он. Похмелье работало в полную силу.

— Ксандер, — я скрестила руки на груди. Он выглянул из-под подушки и вздрогнул.

— Так ярко, — он зажмурил глаза и убрал подушку. Глядя на меня, он прищурился и снова застонал:

— Ты похожа на ангела.

— Вставай. Нам нужно поговорить прежде, чем я уйду.

Он перевернулся на спину, потирая ладонью лицо, и мне пришлось отвернуться, чтобы не мучить себя его голой красотой.

— Можно я сначала приму душ? — пробормотал он.

Я кивнула и встала спиной к нему, пока он поднимался с постели и шел в ванную. Затем я плюхнулась на кровать и стала ждать.

Ксандер вышел из ванной в полотенце, обернутом вокруг его бедер, и еще одним в руках он вытирал влажные волосы.

— Почему здесь Вероника? — спросила я. Есть более важные вещи, о которых нам стоило поговорить, но я позволила своей ревности занять первое место.

Он не колебался:

— Она прилетела сюда после того, как ее бойфренд надрал ей задницу. Я просто не смог отправить ее обратно.

— Ты спал с ней? — я пристально смотрела на него, ожидая его реакции.

— Ты, черт возьми, шутишь? — он поморщился, а потом покачал головой. — Нет.

— Как долго она будет оставаться?

— Я сегодня отвезу ее в аэропорт. Она вернула меня к тому, к чему я не хотел возвращаться. Тем более, это место не подходит ей.

Он снял полотенце, повернулся и вытащил из комода боксеры. Я встала и повернулась спиной к нему.

— Послушай, Ксандер, ты больше не можешь вытворять подобное, потом звонить мне и снова заставлять меня чувствовать себя дерьмово, — сказала я, стараясь сосредоточить свое внимание на стене, а не на том, что он голый.

Он выглядел смущенным:

— Я не пытался заставить тебя чувствовать себя плохо.

— Знаю, но, когда ты выпиваешь, и я понимаю, что это из-за нас, мне плохо, — я вздохнула. — Я имею в виду, ты позвонил мне и...

— Это не повторится, — он перестал двигаться, и я увидела искреннюю печаль. Я была практически уверена, что именно я подтолкнула его к краю, бросив трубку, когда он первый раз звонил мне, но он явно не хотел говорить об этом.

— Чем планируешь заняться?

Он сел на край кровати, провел рукой по влажным волосам и склонил голову.

— Собираюсь позвонить своему спонсору. Не похоже, что я смогу пойти на любую встречу АА (Анонимных Алкоголиков) и остаться без внимания прессы.

Я кивнула:

— Просто поговори с кем-то.

— Могу я поговорить с тобой? — еле слышно спросил он.

— Нет, Ксандер. Это ужасная идея.

— А с кем мне разговаривать? Кому я смогу доверить все это? — опустошение в его голосе снова разбило мне сердце.

Ни с кем.

Я закрыла лицо руками и вздохнула. Я знала, что не должна, но мне никогда не нравилось отворачиваться от тех, кто нуждался в моей помощи. Я знала, что помогу ему, но, что еще хуже, я знала, что я хочу сделать нечто большее, чем просто помочь. Я хотела понять его. Я хотела узнать, что сделало его таким контролирующим, одержимым человеком. Я не могла винить его в том, что он все контролировал. Я думала, что отлично контролирую свою жизнь, до того, как началось все это. Но с Ксандером... Его чрезмерность привела его к краю, и, в какой-то степени, возможно, я хотела знать, почему. Но я боялась, что, как только узнаю, начну оправдывать его поведение просто для того, чтобы убедить себя, что могу снова быть с ним.

— Пожалуйста, — он смотрел на меня умоляющим взглядом.

Черт, почему я всегда так слабовольна с ним?

— Если я соглашусь, то мы не будем говорить о том, чтобы снова быть вместе.

Он кивнул в знак согласия, и улыбка заиграла на его губах.

— Ты можешь приехать в понедельник в наше обычное время.

Мой обеденный перерыв. Мы обычно придерживались этого времени, но обычно наш сеанс заканчивался позже, потому что Ксандеру было необходимо чуть больше проявления отношений... но не в этот раз.

— Спасибо, — сказал он, глядя на меня со своего места на кровати.

— Не благодари. Может, я это делаю и для себя... Может, именно так мы сможем закрыть вопрос относительно нас.

— Не говори так, — на этот раз он вскинул голову, и его зеленые глаза впелись в меня.

Я пожала плечами, затем вышла, прежде чем Ксандер начал бы перечислять все причины, по которым я не должна сдаваться. Было достаточно того, что мое сердце уже составляло список этих самых причин.

Глава 14

Восстановление дружеских отношений

Эйвери

После долгой пятничной ночи с Ксандером, а затем бесконечного утра, я решила пойти к Сьюзен. Визит был явно несколько запоздалым, но я не смогла бы почувствовать себя лучше, если бы собственными глазами не увидела, что с ней все в порядке.

Когда я вошла, она была на ногах, расхаживая по палате и укладывая свои вещи. Заметив меня, она остановилась и нервно улыбнулась. Я не была уверена, что приняла правильное решение приехать сюда, поэтому уже готова была убежать, но ее слова меня остановили:

— Входи.

Я не знала, сесть мне или остаться стоять, но то чувство неловкости, которое заполнило палату, было непривычным для нас со Сьюзен.

— Ладно, это выглядит странно. Для нас.

Сьюзен озвучила в точности то, о чем я думала, и я улыбнулась, потому что мы всегда чувствовали друг друга. Она улыбнулась в ответ, схватила меня за руку и потащила к двум

креслам у окна.

Мы сели, Сьюзен не отпускала моих рук.

— Знаю, ты думаешь, что виновата в моем сердечном приступе, но это бред. Я жила годами с таким состоянием сердца, и никто не смог бы сказать точно, когда это все же случится.

Я посмотрела на наши руки. По какой-то причине я все же не могла посмотреть ей в глаза:

— Я не должна была кричать на тебя. Я не должна была провоцировать.

— Ты и не сделала этого. В любом случае, я ответственна за это, это моя вина. Ты была близка к правде, когда сказала, что мы пытались искупить вину.

— И, тем не менее, ты для меня как мама, и я не имела права так разговаривать с тобой, — не отступала я.

— О, милая, ты имела право говорить со мной, как тебе угодно. Я была удивлена, что ты мне голову не оторвала. Я заслужила это.

Наконец, я посмотрела ей в глаза, и мы улыбнулись:

— Я бы никогда так не сделала.

— Знаю.

— Что нам теперь делать дальше?

Я не могла продолжать ненавидеть Сьюзен за попытку помочь своему сыну и, в свою очередь, стать в моей жизни кем-то особенным.

— Это полностью зависит от тебя. Просто знай, я люблю тебя... и Ксандер тоже.

Я убрала свою руку от нее и отвернулась:

— Я хочу, чтобы ты была частью моей жизни, но что касается Ксандера... Все в подвешенном состоянии.

— Понимаю. Не торопись и поступай так, как считаешь нужным. Я рядом, если понадобится.

Я кивнула, встала и огляделась. Мой взгляд упал на ее сумку.

— Так тебя выписывают сегодня.

— Да, Ксандер приедет за мной через час.

И эти слова заставили меня поторопиться уйти. Я потянулась и взяла ее за руку, слегка сжав ее:

— Я в ближайшее время приеду к тебе.

— Я буду очень рада этому.

Я отпустила ее руку и ушла, прежде чем мне пришлось бы столкнуться лицом к лицу с Ксандером. Выходя из здания, я решила отправить сообщение Элли с просьбой встретиться со мной в понедельник у меня в офисе.

Если я собиралась восстановить свою жизнь, то было необходимо поговорить со всеми замешанными в этом людьми. И я безумно скучала по Элли.

Утром в понедельник я уже сидела в своем кабинете вместе с Элли, и это странное чувство неловкости снова заполнило комнату. Она зашла ко мне перед занятиями. На ней были шорты и футболка, светлые волосы были заплетены в длинную французскую косичку, которая спускалась по спине. Помню, как я каждую ночь заплетала ее волосы и учила делать это самостоятельно, до того как покинула ее. А теперь не думаю, что она заплеталась, потому что так модно. Она это делала, потому что тосковала о прошлом.

— Ты до сих пор танцуешь стриптиз?

Не знаю, почему я в первую очередь спросила именно про это. Я просто переживала, что она работает поздно ночью и что ее могут преследовать клиенты. На протяжении многих ночей я не могла уснуть, представляя тысячи ситуаций, в которые она могла попасть. Может быть, я параноик, но это Элли выработала во мне защитный инстинкт.

Она покачала головой.

— Где ты ночуешь?

— У моей подруги есть квартира. Сплю на диване.

Ее глаза метались по комнате. С тех пор, как вошла в мой кабинет, она избегала зрительного контакта со мной.

— Я хочу, чтобы ты вернулась домой.

Ее глаза округлились, и она посмотрела на меня так, будто это последнее, что она ожидала от меня услышать.

— Ты уверена? — осторожно спросила она, но я заметила, как она пыталась обуздать свое волнение, вызванное этим предложением.

— Да, я скучаю по тебе. Я не говорю, что больше не злюсь на тебя, но хочу, чтобы ты жила дома.

— Хорошо, — она застенчиво улыбнулась.

— И я не знаю, доверяю ли я тебе.

— Понимаю.

Она опустила голову, глядя на свои сложенные руки. Она была слишком тихой, лишь коротко отвечала на мои вопросы.

— Ты ничего не хочешь мне сказать?

Я не хочу, чтобы она чувствовала, будто ее здесь допрашивают. Я хотела, чтобы у нас был двусторонний разговор. Она подняла голову и закусила губу:

— Я знаю, что ты не доверяешь мне, но что касается Ксандера...

Я подняла руку, останавливая ее:

— Смириться с вашей с Ксандером связью я не в силах.

— Я знаю, что ты любишь его, и мне очень жаль. Хотела бы изменить все произошедшее, но не могу. Если для тебя это важно, то просто знай, что наша связь ничего не значила. С тобой он был совсем другим человеком.

— И я до сих пор не знаю, какая версия его является реальной.

Она снова закусила губу, потом сказала:

— Думаю, что знаешь.

Она взяла свои вещи и направилась к двери. Когда она открыла ее, по другую сторону стоял Ксандер, ошеломленный встречей с Элли. Она кивнула ему, и он ей ответил тем же, затем отошел в сторону, пропуская ее.

Неловкость, которую я ощущала с Элли и Сьюзен, превратилась во что-то иное, когда в кабинет вошел Ксандер и закрыл дверь. Из всех чувств, которые я испытывала, находясь с Ксандером в одном помещении, неловкость была последней, и это меня беспокоило.

Ксандер

Увидев, как Элли вышла из кабинета Эйвери, у меня на самом деле появилась надежда. Я также знал, что Эйвери ходила к моей маме в день ее выписки. Так что, если она собиралась давать вторые шансы, возможно мой был недалеко.

— Ксандер, — поприветствовала она меня.

— Эйвери.

Она встала со своего кресла и подошла к стулу, демонстративно оставив свой фирменный блокнот. Я сел на диван поближе к ней и спросил:

— Как мы сделаем это?

— Ты можешь начать с того, почему ты снова обратился к выпивке.

Я пожал плечами:

— Полагаю, у меня черная полоса в жизни.

— Ты выпил первый напиток до или после того, как в первый раз позвонил мне?

Я посмотрел вниз, потирая рукой шею, потому что мне было тяжело иметь дело с ее пристальным взглядом. Я не хотел, чтобы она чувствовала ответственность.

— Ксандер, — подтолкнула она.

— После.

Она зажмурилась.

— Это не твоя вина, я несу ответственность за свои действия, Эйвери. Не важно, что происходит в жизни, я отвечаю за свои действия и реакции.

— Я удивлена услышать это от тебя.

Она подняла брови от удивления.

— Тебе, вероятно, все равно, что я должен сказать, но я знаю, что подвел тебя и никогда не хотел этого. Я никогда не перестану пытаться загладить вину перед тобой.

— Я не уверена, что ты сможешь.

— Я никогда не хотел начать войну. Я пытался сохранить мир, скрыв некоторые вещи, которые разрушили бы нас, — я жестом указал между нами.

— Твоя идея мира была бомбой замедленного действия в моем сердце. Меня не предупредили, что она собирается взорваться. Твои секреты застигли меня врасплох.

Я был в смятении. Я знал, что сейчас мне представлялась возможность, чтобы все рассказать, и, может быть, она поймет.

— И что теперь? Кто побеждает в этой войне?

Я вытянул руки, будто указывая на обломки. Между нами было столько всего, и это не было надуманным.

— Никто. Все погибают на поле боя.

— Не говори так.

Я скрестил руки и покачал головой, потому что не мог принять это как заключение.

— Это правда, — сказала она невозмутимо.

— Ты просто не видишь этого. Не понимаешь, — я пытался не заскулить, но именно это я хотел сделать.

— Что я должна видеть? — ее глаза расширились, и она казалась расстроенной.

— Что я всегда совершаю ошибки. Я предупреждал тебя, что принимал решительные меры в отношениях. Ты знала, что это приближается. Я был неправ, но сделал все, чтобы остаться с тобой.

Она молча смотрела на меня. Мы оба были в недоумении о том, каким путем нам двигаться дальше, но я знал, что хотел лишь, чтобы этот путь привел меня обратно к ней. Я протянул руку и погладил ее по щеке. Удивительно, но она не отстранилась. Я запустил пальцы в ее волосы и притянул к себе. Она положила одну руку на мою грудь, а другой обхватила мое предплечье. Она пыталась отстраниться, но я заставил ее приблизиться, глядя ей в глаза.

Когда мои губы коснулись ее, она издала полувздых-полувсхлип. Затем застонала, когда мой язык скользнул между ее губ, пробуя ее на вкус. На несколько мгновений я снова вкусил ее сладость, и все было прекрасно. Когда она разорвала поцелуй, выражение ее лица сказало мне, что мы должны пройти долгий путь, прежде чем все снова наладится. Я прислонился лбом к ее лбу и погладил ее шею пальцами.

— Детка, как я могу это исправить? Потому что я не могу без тебя, — прошептал я напротив ее губ.

— Я не могу ответить. Я просто не знаю ответа.

Она отстранилась, и моя рука упала:

— Ты должен уйти. Наша встреча не должна была привести к этому. Возможно, нам стоит просто... не видеться некоторое время.

Я шагнул вперед, и она отступила назад, подняв руки, чтобы сдержать меня. Я остановился, решив дать ей пространство, о котором она просила, если...

— Я соглашусь на это после того, как ты ответишь на один вопрос.

Она скрестила руки и ждала.

— Ты скучаешь по мне?

Она вздрогнула, потом пристально посмотрела на меня в течение нескольких молчаливых секунд, прежде чем повернулась и пошла обратно к своему столу:

— Твое время истекло.

Я знал, что она не сможет ответить на этот вопрос. В противном случае, я бы не рисковал тем, чтобы не видеть ее. Я улыбнулся, развернулся и вышел. В конце концов, еще не все потеряно.

Глава 15

Неизменная

Эйвери

Три дня спустя я все еще была в растерянности относительно того, что делать с Ксандером. Я говорила по телефону со Сьюзан, и Элли в понедельник вечером переехала обратно ко мне. Она проводила дома больше времени, чем за последние шесть месяцев. Казалось, я наладила отношения со всеми, кроме Ксандера.

Выйдя с работы, я обошла свою машину и пошла по дорожке, ведущей в небольшой парк, расположенный в паре кварталов. Мне нравилось теряться в толпе. Это началось много лет назад. В любое время, желая привести свои мысли в порядок, я наблюдала за людьми. Я гуляла среди людей и придумывала, основываясь на их поведении, с какими проблемами они сталкивались в тот день. Таким способом я доказывала себе, что являюсь не единственным человеком с проблемами. Хотя, зная, что все это в моей голове, как психиатр я понимала, что у всех был свой собственный набор проблем.

Проведя полчаса в парке, я направилась обратно к своей машине и позволила своему сердцу вести себя. Подъехав к дому Ксандера, я ощущала смешанные чувства. Я просидела в машине еще полчаса, борясь сама с собой, взвешивая плюсы и минусы своего звонка в дверь. В конце концов, я была лишена права принять решение, когда Ксандер открыл дверь и скрестил руки на груди, глядя на мою машину.

Теперь мне не уйти.

Я вылезла из машины и поднялась по ступенькам.

— Нам нужно поговорить.

Я прошмыгнула мимо него и устроилась на его диване в гостиной, как у себя дома.

Ксандер стоял в дверях пару секунд, глядя на улицу, прежде чем последовал за мной. Он понимал, что этот разговор будет решающим. Когда он сел, расставив ноги и сложив руки на коленях, я почувствовала его беспокойство.

— Мне нужно знать, почему. Зачем было так лгать мне?

— Я бы хотел приукрасить правду для тебя, но в основном это было самосохранение. Я любил тебя и нуждался в тебе. Я пересек черту, чтобы удержать тебя.

— Не думаю, что ты знаешь, что это за черта.

Я встала, отошла в самый дальний угол комнаты и скрестила руки.

— Я мог бы с тобой согласиться. Просто я думаю не так, как большинство людей. Я отговариваю себя поступать правильно, чтобы удержать то, что я хочу, — отметил он.

— Я не знаю, смогу ли я с этим мириться. Как я смогу доверять тебе? — я прищурилась, посмотрев на него.

— Я говорил тебе, что не хорош в этом. Я говорил, что всегда принимаю неверные решения, когда дело доходит до любви, — он провел рукой по лицу, как бы стирая свое разочарование. — Ты сказала, что не оставишь меня.

— Ты солгал насчет моих родителей, — бросила я в ответ.

— Я не говорил, потому что это причинило бы тебе боль... и разрушило нас.

— Ты должен был позволить мне решить, с чем я могу справиться. Как я могу поверить, что ты будешь честен со мной? Что больше не будешь скрывать от меня информацию?

— Не буду.

Я покачала головой:

— Я не верю тебе.

Он встал и протянул свои руки:

— Все раскрыто. Я больше ничего не скрываю от тебя. Ты хотела увидеть мои шрамы — я позволил тебе. Ты сказала мне перестать винить себя. Ты сказала, что это не делает из меня монстра. Все это было ложью?

Я подошла к нему, остановившись слишком близко:

— Нет, но, если бы ты пришел ко мне и рассказал правду — не буду лгать — я бы расстроилась, но не была бы сокрушенной. Вот как я себя чувствовала, когда Йен рассказал мне. Будто меня лишили всего того, что я знала о своей жизни.

Он закатил глаза:

— Йен... Он никогда не остановится, пока я не заплачу.

— Хочешь знать, как ты можешь заплатить? Прими себя. Признай свои ошибки. Сознайся в секретах. Признайся в том, какие разрушения ты вызвал. Перестань быть трусом и прятаться в темноте! Будь гребанным мужчиной, в которого я думала, что влюбилась. Прими. Себя.

— Что ты хочешь, чтобы я сказал? Что я — Ксандер Пирс, и я облажался? Я эгоист. Я ревнивый ублюдок. Что я чертов алкаш, который убил собственную жену? — он сделал глубокий вдох и затем отметил, — я украл ее жизнь... и отнял у тебя твоё счастье.

Он запнулся, и, хотя его лицо было каменным, почти безэмоциональным, одинокая слеза скатилась по щеке, выдавая его истинные чувства. Мое сердце разбилось. Ради моих родителей, ради Джессики и бремени, которое он нес все эти годы, я придвинулась ближе и сжала его лицо руками, вытирая слезы большими пальцами.

— Судьба свела нас здесь. Ты с твоей болью и я с моим одиночеством и каменным сердцем. Боже, я не хочу, — я вздохнула, откинув голову, и позволила себе признать то, что я

чувствовала. — Но... я все еще люблю тебя.

Он поднял руки вверх и обхватил мои запястья. Прикосновение объединило нас сильнее, чем смог бы поцелуй в тот момент.

— Я тоже люблю тебя.

Я покачала головой, потому что это было не то, что я хотела, но это было то, в чем я нуждалась:

— Нам нужно найти способ исцелиться... чтобы двигаться дальше.

Он сделал глубокий вдох и нахмурился, прежде чем спросить:

— Ты не уйдешь от меня?

Я покачала головой.

— Нет, — сказала я хриплым шепотом, потому что слова давались с трудом. Я прочистила горло и продолжила. — Я не знаю, как.

Он притянул меня, крепко прижав к себе, словно мог удержать меня в своих объятиях навсегда.

Я отстранилась и встретила с его взглядом:

— Но мы не будем спешить.

Он кивнул в знак согласия, и я позволила ему снова обнять меня, и позволила себе наслаждаться его объятиями.

Я обманывала себя, думая, что мы сможем двигаться медленно. Между мной и Ксандером пылала страсть с первого дня. Та страсть не улетучилась, когда мы расстались. Скорее наоборот, расстояние только разожгло настоящее пламя. Так что, спустя три беспокойные ночи, я обнаружила себя растянувшейся на кровати Ксандера и обнаженной более, чем в одном смысле.

— Ты трахалась с Мэттью? — спросил он, медленно скользя в меня. Прошлой ночью мы обсуждали эту тему, но я повесила трубку, не дав ему ответа. Казалось, он знал, что придется прибегнуть к другим средствам, чтобы получить от меня ответы.

— Скажи мне, что случилось? — настаивал он.

Я покачала головой, ахая, когда его член неоднократно задевал мое заветное местечко. Я едва могла дышать между его толчками, еще тяжелее было говорить.

— Ничего не было, — задыхалась я.

— Скажи мне, какого хрена произошло, Эйвери! Скажи мне, что ты позволила ему сделать.

— Не сейчас... прошу... Ксандер... Позже.

Каждое слово вырывалось между толчками с судорожными вздохами.

Его движения становились агрессивными, как и его тон. Он схватил меня за бедра, приподнял и стал насаживать меня на свой член.

— Скажи мне сейчас, — выкрикнул он.

— Ничего, — взвизгнула я. *Почему он не может просто оставить эту тему?*

Он зарычал, а затем шлепнул меня по заднице. Сильно. Я вскрикнула.

— Только поцелуй, — наконец признала я.

— И?

Он замедлил темп, едва двигаясь.

— Я сняла свой лифчик.

— Затем?

— Он прикоснулся ко мне и все. Клянусь, на этом все.

Он был до жути спокоен, пот стекал по его мускулистому телу, а взгляд был жестким.

Ксандер забросил мои ноги себе на плечи, нагнулся и всосал мой сосок в рот, в то время как снова начал жестко трахать меня. Движения его бедер были превосходными, и я была на грани.

Он выпустил мой сосок с причмокивающим звуком, а затем свирепо посмотрел на меня, обхватив мою шею руками и продолжая трахать.

Это возбуждало, и я была близка к освобождению, несмотря на недостаток воздуха. Разряды удовольствия разносились по всему телу от моей сердцевины подобно приливной волне эйфории.

Я пронзительно кричала, мои мышцы сводило судорогой, как будто он поразил меня электрическим разрядом молнии. Свет и тьма мелькали под моими веками, и я не была уверена, потеряю ли я сознание от недостатка воздуха или умру от сердечного приступа, вызванного оргазмом.

— Развернись, — потребовал он, его голос прозвучал как будто вдалеке. Мои веки затрепетали, и я поняла, что он все еще нависал надо мной. Казалось, он говорил из другого измерения. Он отстранился и перевернул меня. Его тяжелое тело нависло надо мной, а рука перебросила мои волосы на правую сторону.

— Ты позволила ему прикоснуться к себе? Я схожу с ума из-за того, что он прикасался к тебе, но мне все еще нужна эта киска... Так. Чертовски. Сильно.

Дерьмо.

Если бы я сказала, что слова, сорвавшиеся с его губ, не сделали меня влажной, то я бы солгала. Он завел мои руки мне за спину и вошел в меня одним медленным толчком. Мое тело напряглось, а рот раскрылся.

Я дернулась вперед, пытаюсь избежать интенсивности всего происходящего, потому что знала, что этот оргазм не просто физическое освобождение. Это был урок, и, в конечном итоге, как бы жестко он ни брал меня, он безусловно доказывал, что владел мной. Мой сокрушительный оргазм стал бы для него трофеем, который он получил как доказательство нашей любви.

Прежде чем я отодвинулась слишком далеко, он схватил меня за бедра, развел их шире, опустил мое тело так, чтобы грудь была прижата к кровати, и наклонился ко мне:

— Ты пытаешься улизнуть?

Я покачала головой напротив матраса.

— Ты всегда пытаешься уйти от меня. Когда ты поймешь, что облажалась? Ты впустила меня, и теперь я не уйду.

Я застонала, когда он резко вошел в меня.

Он наклонился к моему уху и прошептал:

— Мы влюбились и теперь должны жить с этим безумием.

Он отстранился, затем заскользил в меня, его стальная длина беспощадно дразнила мою точку G мучительными, но блаженными толчками. Мучая, дразня, насмехаясь над моим подчинением, все это вызвало настолько сильный оргазм, что он опустошил меня и оставил обнаженной.

Это был самый тихий оргазм в моей жизни, но он не отражал всей глубины моих чувств. На самом деле, единственным доказательством того, что оргазм вырвал у меня душу и решительно вложил ее в руки Ксандера, была моя одинокая слеза, упавшая на простыни.

Ксандер зарычал, вышел из меня и развернул к себе лицом:

— Открой свой рот.

Я перестала пытаться образумить Ксандера. Он с ума сходил от нужды заклеить меня... снова сделать меня своей.

Я сделала, как он потребовал, и он засунул свой член мне в рот.

— Каков у него вкус? — спросил он. Его член был слишком глубоко в моем горле, чтобы я могла ответить. Поэтому я застонала напротив его горячей кожи.

Выдернув его, он стал поглаживать рукой свой болезненно твердый член.

— Отвечай на вопрос.

Схватив мои волосы свободной рукой, он заставил меня посмотреть на него.

— Мой. У него мой вкус.

— И это единственный вкус, который у меня когда-либо будет.

Он откинул голову назад, а его рука неистово работала над его членом.

— Блять! — застонал он.

Мощная струя спермы выстрелила на мое лицо, губы и грудь. Я знала, что он помечал меня, и нормально относилась к этому, потому что я оставила неизгладимый след в его душе, который отражался болью на его лице. Его любовь ко мне была моим следом, и когда я забрала ее, то глубоко ранила его.

Я подалась вперед, открыла рот и решила продлить ему наслаждение, скользя языком по его пульсирующему члену и слизывая его семя. Он открыл мне глаза на то, чего я не хотела принимать. Наши чувства друг к другу были хаотичными, превратили нас в невыносимых *гребанных* безумцев. Но любовь... любовь была неизменной.

Глава 16

Что угодно

Эйвери

Я проснулась в объятиях Ксандера и удивилась, что он спал. Очень редко я просыпалась и обнаруживала Ксандера спящим, но мне нравилось это. Я наблюдала за ним, уязвимым... безмятежным и спокойным.

Его глаза медленно приоткрылись. Он потер их и посмотрел на меня так, будто думал, что я исчезну. Улыбнувшись, Ксандер притянул меня к себе, прижимая к своему теплему телу.

— Мне не хватало этого. Я скучал по тебе.

Он поцеловал меня в лоб, а его пальцы ласкали кожу на моих бедрах.

— Я тоже скучала, — я подняла глаза и встретилась с его взглядом. — Не испорти все на этот раз.

Он вздохнул:

— Я не облажаюсь, Эйвери. Я так сильно тебя люблю и сделаю что угодно, чтобы мы были вместе. У меня никогда не было намерений причинить тебе боль, и я не сделаю этого снова.

Я кивнула:

— Но ты сделал мне больно. Мне все равно, если ты совершаешь ошибки. Мне просто нужно доверять тебе. Верить, что ты скажешь мне правду, и знать, что я буду рядом.

Он кивнул, я наклонилась и поцеловала его.

Мы так и остались лежать... просто держа друг друга в объятиях, наши пальцы ласкали гладкую кожу, являясь ощутимым подтверждением того, что это реальность, а не очередной

сон.

Казалось, прошел целый час, когда я спросила:

— Сделаешь кое-что для меня?

— Что угодно, — заявил он.

— Поговори с Йеном.

Мы с Йеном обсуждали это, и я знала, что он был готов двинуться дальше.

— Ох, вот уж хрен!

Он резко отпустил меня, соскользнул с кровати и надел трусы.

— Ты сказал что угодно, — напомнила я ему.

Он повернулся ко мне с гримасой на лице:

— Почему ты хочешь этого? Он и до тебя добрался, не так ли?

— Что это вообще значит? Добрался до меня как? — нахмурилась я.

— Он всегда находит способ заставить женщин пожалеть его... влюбиться в него.

— Серьезно, Ксандер? — я встала, прижимая простынь к груди. — Я не хочу Йена. Если бы так легко можно было отказаться от моих чувств к тебе, то я бы сделала это.

Он обиженно посмотрел на меня, прежде чем отвернуться.

— Мне жаль, но если бы у меня был выбор, то я бы ушла. Я просто недостаточно сильна.

Он повернулся ко мне и дотронулся до моей руки:

— Ты самая сильная женщина, которую я знаю. И, кстати говоря, ты ушла. Тебе потребовалось время, чтобы обдумать все это своим сверхактивным мозгом и решить, что я стою шанса.

Я улыбнулась, потому что именно об этом я и думала. Ксандер стоил этого, и то, что у нас было, заслуживало большего, чем просто шанс. Гнев ослепил меня... не позволял мне дать ему второй шанс раньше. Я просто рада, что достаточно успокоилась и поняла, что хотела его в своей жизни.

Я провела рукой по его утренней щетине.

— Послушай, я просто хочу, чтобы вы оба исцелились. Пришло время отпустить прошлое и двинуться дальше.

— Мы поубиваем друг друга, если останемся вдвоем в одной комнате.

— Поэтому я буду там. Вы, парни, можете прийти в мой офис. Нейтральная территория. Безопасная гавань.

Я подмигнула ему.

— Не могу поверить, что я даже обсуждаю это, — сказал он, вырвав простынь у меня из рук и оставив меня обнаженной. Он притянул меня к себе и улыбнулся, поцеловав в шею в определенном месте, что гарантировало ему доброе утро.

— Но ты подумаешь над этим? Верно?

Он кивнул напротив моей шеи, и я ухмыльнулась, потому что ему еще надо загладить вину, и он не мог не сделать этого. *Некоторое время я могла бы поступать по-своему.*

Глава 17

Больше сеансов?

Эйвери

Ксандер и Йен сидели в разных концах комнаты. Язык их тел говорил о силе в немом пространстве. Тело Ксандера было с левой стороны, и он выглядывал в окно. Йен, с другой стороны, находился в правой стороне комнаты, нервно расхаживая. Ксандер ничего не хотел

делать на этом сеансе, а Йен, казалось, хотел все рассказать и двинуться дальше. Как-то я должна сделать так, чтобы они пришли к соглашению.

— Ксандер? — он был слишком потерянным, чтобы услышать меня. — Ксандер!

Он вздрогнул, затем повернулся ко мне.

— Ты бы хотел начать? Хочешь что-нибудь сказать Йену?

Он взглянул на Йена и покачал головой.

Когда наши глаза встретились, я послала ему раздраженный взгляд, и он расширил глаза и поднял руки вверх, как... Что?

Он знал, чего я хотела. Он обещал, что попытается, но он едва присутствовал здесь.

— Йен, — я повернулась к нему, и он остановил свое медленное хождение. — Ты бы не хотел присесть?

Он покачал головой и продолжил ходить.

— Ладно, хотел бы ты начать? — спросила я его.

Он остановился, смотря на Ксандера, и кивнул. Ему потребовалось пару беспокойных моментов, прежде чем он заговорил, и я почти подумала, что этого не случится.

— Я знаю, ты думаешь, что все плохое в этой семье началось с тебя, но ты ошибаешься.

Ксандер поднял на него удивленный взгляд. Мы оба слышали, что он сказал своей маме в больнице, и, держу пари, что Ксандер не имел об этом никакого понятия.

Йен стоял в центре комнаты с засунутыми в карманы руками, наклонив голову:

— Я разрушил наш шанс быть братьями задолго до того, как появилась Джессика.

Ксандер дернулся и отвернулся. Будто лишь упоминание имени Джессики напомнило ему, почему ему нужно заткнуть Йена и занять бескомпромиссную позицию.

— Возможно, уже слишком поздно, но мы с Эйвери поговорили и...

— Теперь вы вместе против меня? — Ксандер направил мне свой вопрос, и его глаза обвиняли меня в принятии другой стороны.

— Нет. Я раньше говорила тебе, что я ни на чьей стороне. Но Йен готов сделать необходимые шаги, чтобы двинуться дальше. А ты?

Ксандер покачал головой, развернулся и пробормотал что-то себе под нос.

— Ксандер? — его взгляд вернулся ко мне. — Почему ты так упорно отказываешься наладить отношения со своим братом?

— Потому что нет отношений, которые можно наладить. Я слишком стар, чтобы бегать за ним в поиске одобрения.

— Ты никогда не нуждался в моем одобрении, — заговорил Йен.

— Откуда ты, блять, знаешь, что мне нужно? — Ксандер, наконец, встретился со взглядом Йена в яростном порыве. — Я был жалким ребенком, жаждущим хоть пару минут твоего времени, но ты ненавидел меня. Мне потребовались годы, чтобы смириться с этим. Потеря Джессики помогла мне выяснить это. И теперь после всего ты хочешь, чтобы я поверил, что ты волнуешься? — Ксандер покачал головой. — Я так не думаю.

— Ты прав. Я ненавидел тебя, — Ксандер бросил на Йена взгляд нескрываемой ненависти. — Ты не нравился мне, и я не мог ничего сделать, чтобы изменить это.

Ксандер фыркнул, покачал головой, и прикусил нижнюю губу. Хотела бы я, чтобы он перестал сдерживаться и просто отпустил свою ярость.

— Теперь мне все равно.

— Тогда почему ты здесь? — Йен нахмурился в замешательстве.

— Потому что Эйвери попросила меня прийти.

Они смотрели друг на друга в молчаливом противостоянии. Йен первым отвел взгляд. Он посмотрел на меня и сказал:

— Это бессмысленно.

— Нет, это не так. Я не ожидала, что вы двое придете сюда, и все разрешится чудесным образом. Пока вы, парни, готовы приходить на эти встречи и говорить то, что вам нужно, у нас есть прогресс.

Ксандер смотрел через комнату, а Йен нехотя смотрел на меня. Он встал и взглянул на Ксандера, будто нуждаясь в пространстве:

— Мне жаль, Эйвери. Я должен идти.

Йен уже почти дошел до двери, когда я крикнула ему:

— Ты вернешься?

— Да, если ты думаешь, что это поможет.

Он посмотрел через плечо на Ксандера, прежде чем уйти. Как только дверь закрылась, Ксандер послал мне сомнительный взгляд.

— Хорошо прошло, — сказал он саркастически.

— Ты не много приложил усилий.

Он пожал плечами:

— Я сказал, что приду, а не то, что собирался упасть до уровня его дерьма.

— Он был искренен, — я встала и подошла к нему.

— Посмотрим.

— Итак, ты готов к еще одному сеансу с ним? — я улыbnулась и села на его колени.

— Больше сеансов? У меня такое чувство, что я проведу в этом кабинете остаток жизни, разговаривая о чувствах.

— Я всегда буду присматривать за тобой, — я прикоснулась пальцами к его волосам.

Он зарылся лицом в мою шею и обернул руки вокруг моей талии:

— Я доверяю твоим инстинктам. Если ты думаешь, что Йен будет настоящим, тогда я дам ему шанс.

Я откинулась и взяла его лицо в руки:

— Я горжусь тобой. Я знаю, что это трудно для тебя дать ему какой-то шанс.

Он улыbnулся, и ямочки вызвали трепет в моем животе:

— Я попытаюсь дать ему шанс. В конце концов, если бы ты не дала мне шанс, я бы потерялся. Возможно, твое предположение сработает, но это займет время.

Я подняла брови:

— Когда это ты стал психотерапевтом?

Он хихикнул:

— Я получил степень. Твое величие передано мне.

Он наклонился и прикусил мою губу. Я вскрикнула и попыталась отодвинуться, но он притянул меня для поцелуя и заставил забыть обо всем, кроме того, как сильно я люблю его.

Эпилог

Ксандер

За последние восемь месяцев мои отношения с Эйвери превзошли все ожидания. Она узнала обо всех моих причудах и могла обнаружить, когда я что-то скрываю. Я думаю, что это вернуло ей некое подобие доверия ко мне. Она всегда была готова поддержать меня в моих неудачах, и я не возражал.

Мы адаптировались. Она приняла меня таким, каким я был, но всегда во время поездки

я знал, что она видела меня насквозь. И мне нравилось это. Она не просила меня измениться. Она просто убедилась, что я понимал последствия своих действий, прежде чем зайти слишком далеко.

Она с моей мамой оставили все позади и зависали вместе, по крайней мере, раз в месяц.

Здоровье моей матери улучшилось, потому что мы с Эйвери держали ее на строгой диете. Йен и я...

Ну, на самом деле, мы заняли наши прежние комнаты, не желая поубивать друг друга. Эйвери по-прежнему проводила с нами один сеанс в месяц, и это помогло. Слушая, как Йен говорит о своих чувствах, мне стало легче освободить свой гнев и обиду к нему. И, возможно, это работало и в обратную сторону. В кабинете Эйвери у нас был шанс увидеть настоящих Йена и Ксандера. Там не было соперничества, просто два человека, пытающиеся понять друг друга.

Йен бросил пить, но его политическая карьера была в дерьме. Он был управляющим в клубе, в котором работал, и, кто знает, возможно, он однажды станет владельцем. Независимо от того, что он делал, я был счастлив за него, и он, казалось, был рад за меня и Эйвери, и он полностью перестал ебать мне мозг, когда речь шла о ней.

Эйвери была находкой, и мы как-то стали нормальной семьей без огромного нависающего облака над нами. Мне даже удалось подружиться с Элли. Хотя Эйвери наблюдала за нами, как ястреб, месяцами, когда бы мы ни оказались в одной комнате. У Элли скоро выпускной, и она полностью приняла то, что Эйвери была там, когда она нужна.

Моя жизнь была самой спокойной, которая у меня когда-либо была.

Я почувствовал, как Эйвери перевернулась в кровати и прижалась к моей спине. Ее рука скользнула по моему боку, вниз по прессу, и начала поглаживать мой член до тех пор, пока он не стал твердым и болезненным.

Я сомневался, что она пыталась уложить меня спать, но не собирался жаловаться. Моя бессонница была не так сильна, как прежде, но она не полностью исчезла. Она у меня так давно, что я уверен, она стала моим постоянным спутником. В такие ночи, как эта, я погружался в свои мысли, а Эйвери всегда пыталась затрахать меня, чтобы я уснул. Это срабатывало в прошлом, но сейчас работает даже лучше.

Она толкнула меня на спину, прежде чем залезть между моих ног, прикусила бедро, а затем щелкнула языком по моим яйцам, заставляя их напрячься. У нее всегда был тот порочный взгляд, когда она брала мой член в рот, и она не подвела в этот раз.

Она засмеялась, когда я хмыкнул, и вибрация этого звука заставила мой член дернуться в ее рту.

Она обернула ладонь вокруг основания, пока работала своим теплым, влажным ртом вверх и вниз по моему члену.

Она отстранилась, используя свою руку, чтобы поглаживать меня, и слизала предэякулят. Ох, блять. Она всосала мои шары в рот, один, затем другой, и я почти рехнулся. Я перевернул ее так быстро, что она ахнула.

— На колени, — прорычал я в ее ухо.

Она встала в позицию, в которую я приказал, потираясь своей задницей о мой член. Я наградил ее резким шлепком. Она всосала воздух, затем замерла. Я толкнул два пальца в ее влажную дырку, и она задрожала, зарываясь пальцами в простынь.

Я работал пальцами в ее влажной киске до тех пор, пока она не стала потной, задыхающейся, молящейся. Затем я приставил свой член к ее входу и наблюдал за ее попыткой

насадить себя. С каждой попыткой она получала небольшой шлепок по ягодице. Она молча умоляла меня о порке, и я был очень рад видеть, как ее милые ягодицы становятся розовыми перед тем, как я трахну ее.

Она не переставала толкаться напротив меня, поэтому, пока она ждала больше шлепков, я погрузил свой член в ее сочную киску, и она издала крик, который превратился в стон, когда я начал двигаться.

Я наклонился к ней, погрузил пальцы в ее волосы и разместил губы у ее уха.

— Я люблю твою гребанную киску.

Она вздрогнула и простонала, когда я ударил членом о ее точку G. Я сел, сохраняя свою хватку в ее волосах, в то время как таранил ее сладкое место снова и снова. Звуки, которые она издавала, заставили мой член стать толще и тверже.

Я сильнее дернул ее волосы, что стало моей привычкой в последнее время. На этот раз я потянул ее голову назад достаточно сильно, чтобы поцеловать. Я был глубоко в ней, но это было недостаточно глубоко для меня. Мои толчки были длиннее и сильнее, и это заставило ее простонать мне в рот.

Я просунул свой язык ей в рот, переполняя ее ощущениями. Моя другая рука двинулась вверх по бедру, пока не добралась до ее центра, и я скользнул двумя пальцами по ее скользкой щели. Мои пальцы были на ее клиторе, язык в ее рту и член в ее киске, и это подтолкнуло ее к краю.

Она прикусила мою губу и отстранилась, пока стонала от собственного освобождения. Я обхватил ее талию и стал сильнее объезжать ее. Ее киска окутала мой член своим теплом, посылая дрожь по моему позвоночнику. Мы не были частью мира, когда кончали вместе, как сейчас. Все замедлялось, кроме биения наших сердец и безумного ритма нашего занятия любовью.

Я содрогнулся изливаясь в ее киску, мой оргазм иссушил меня, отдав ей все. Мы рухнули, я навалился на нее, на наших лицах играла самодовольная ухмылка.

— Это то, к чему ты стремилась? — я поднял бровь, смотря на нее.

Она покачала головой и выдохнула:

— Более чем.

Я уложил ее. Моя голова упала на подушку, а глаза закрывались от изнеможения. Она пробежалась пальцами по моих волосам и хихикнула.

— Что смешного?

— С тобой так легко. Я затрахала тебя, чтобы ты уснул?

Я открыл глаза и уставился на ее самодовольную улыбку:

— Технически это я затрахал тебя, так что...

Она укусила меня в шею и зарылась головой под моим подбородком:

— Я хотела сказать это с того дня, как встретила тебя.

— Если ты хочешь трахать меня, чтобы я уснул, каждый день остаток моей жизни, то я буду лежать здесь и позволю тебе делать это.

Она хихикнула и поцеловала мою челюсть.

— Я знаю, — она негромко промурлыкала и прижалась ко мне ближе. — Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя, Эйвери.

Я уснул с довольной улыбкой на лице, и воспоминания не тревожили мои сны. Только видение меня и Эйвери, и будущего, которое мы построим вместе.

Больше книг на сайте - Knigolub.net